

Чеш

РОВЕСНИК

9

1979

РОВЕСНИК

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР

Сентябрь, 1979 год, № 9

ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

7 ОКТЯБРЯ — 30 ЛЕТ ГДР: **о жизни молодежи республики рассказывают наши специальные корреспонденты**

На первой странице обложки: комментировать эту сценку, запечатленную фотокорреспондентом «Ровесника», пожалуй, нет нужды. Стоит только обозначить место и время: центр Берлина, год 30-летия ГДР.

Фото Г. МАЛАХОВА

Главный редактор **А. А. НОДИЯ**

Редакционная коллегия: В. Л. АРТЕМОВ, В. М. БУДАРИН, С. М. ГОЛЯКОВ, И. В. ГОРЕЛОВ, О. А. ГОРЧАКОВ, В. А. ГУСЕЙНОВ, М. А. ДРОБЫШЕВ, А. А. КАВЕРЗНЕВ, С. Н. КОМИССАРОВ (зам. главного редактора), А. М. ЛЕВИН, В. П. МОШНЯГА, Д. М. ПРОШУНИНА (ответственный секретарь), Б. А. СЕНЬКИН.

Художественный редактор О. С. Александрова
Оформление И. М. Неждановой
Технический редактор Г. И. Лещинская

Адрес редакции: Москва, 125015, Новодмитровская ул., 5а. Телефон 285-89-78. Рукописи не возвращаются. Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на журнал.

Сдано в набор 20.07.79. Подп. к печ. 21.08.79. А00201. Формат $84\times108^{1}/_{16}$. Печать офсетная. Усл. печ. л. 4. Уч.-изд. л. 5,5. Тираж 1 176 000 экз. Цена 25 коп. Заказ 1272.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

ВСЕМИРНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

ПАНАМА. При министерстве труда и социального обеспечения этой центральноамериканской республики создана национальная дирекция, задача которой координировать деятельность государственных и общественных учреждений по улучшению положения подрастающего поколения. По всей стране представители национальной дирекции вместе с медицинскими работниками приступили к обследованию детей и проведению массовых прививок. В рамках Международного года ребенка в столице и других городах создаются центры по воспитанию детей, детские парки, начала издаваться газета для самых юных панамцев «Тин марин».

БУДАПЕШТ. «В интересах счастливого и безопасного будущего детей» — под таким девизом в столице Венгрии состоялся Международный форум по проблемам детства, в работе которого приняли участие представители 80 стран и эксперты ООН. Участники форума призвали общественность мира обратить внимание на тяжелое положение детей в развивающихся и капиталистических странах. Более 350 миллионов детей в Латинской Америке, Азии и Африке страдают от недоедания, болезней и нищеты: только один малыш из пяти получает медицинскую помощь, только одна мать из пяти может напоить своего ребенка чистой питьевой водой, на юге Африки и в ЮАР половина темнокожих детей умирает, не дожив и до 4 лет. По данным комиссии по проведению Международного года ребенка в США, в этой богатейшей капиталистической стране свыше 17 миллионов детей «влачат жалкое существование, испытывая крайнюю нужду».

«АРТЕК». Каждый год в «Артеке» отдыхают 29 тысяч ребят. В гости к советским пионерам приезжают их сверстники почти из 60 стран мира. «Артек» не просто детская здравница — это школа интернационализма, солидарности. В августе здесь прошел международный детский праздник, посвященный году ребенка. На открытие праздника в гости к юным пионерам приехал Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Л. И. Брежнев. Советские пионеры и их сверстники со всех континентов Земли навсегда запомнят этот торжественный день, слова Л. И. Брежнева с пожеланием мира и счастья, обращенные к ним.

На снимке: американские школьники в «Артеке».

ПНОМПЕНЬ. Правительство Кампучии обратилось ко всем странам мира с просьбой помочь кампучийским детям, десятки тысяч которых в результате хозяйничания полпотовцев остались без крова и средств к существованию. Многие из них даже не знают своих имен. Новое правительство предпринимает всевозможные усилия, чтобы облегчить положение детей. Повсюду создаются передвижные школы. Но письменных принадлежностей катастрофически не хватает. У многих детей нет даже самой необходимой одежды. Обращение кампучийского правительства заканчивается такими словами: «Мы просим всех, кому не безразлично будущее человечества, обратить внимание на Кампучию, страну, переполненную горем и болью».

БРОКПОРТ. Здесь перед зданием университетского колледжа штата Нью-Йорк будут воздвигнуты два монумента. Первый из них — композиция «Прометей» высотой двенадцать метров — изображает «древо жизни», из которого возникает человек, несущий факел — символ света и знаний. Второй — девятиметровая скульптурная группа — посвящен Международному году ребенка и символизирует счастье для всех детей мира. Обе композиции — дар Советского Союза университету штата Нью-Йорк, их автор Зураб Церетели, известный советский художник, лауреат Ленинской премии.

МЕХИКО. Молодежные, профсоюзные и другие прогрессивные организации Мексики провели демонстрацию протеста против засилья в пищевой промышленности иностранных, главным образом североамериканских монополий. По данным профсоюзов страны, от 72 до 80 процентов пищевой промышленности контролируют 5 многонациональных корпораций, что является препятствием для развития этой отрасли в интересах народа Мексики.

БЕРЛИН. Двадцать три лаосских студента обучаются в техникуме сельскохозяйственного машиностроения столицы ГДР. Программа обучения включает практические занятия на предприятиях, производящих сельскохозяйственное оборудование. Знания, полученные в братской социалистической стране, помогут молодым лаосцам стать квалифицированными специалистами, в которых так нуждается молодое государство.

На снимке: лаосские студенты на занятиях.

ОСЛО. Прошел XXXVIII съезд Коммунистической молодежи Норвегии. Как отметил председатель этой организации Р. Педерсен, значение съезда заключается в том, что он продемонстрировал единство КМН, выработал политическую линию и определил конкретные задачи борьбы за права молодежи. Комсомольцы Норвегии выступают за принятие немедленных мер для обеспечения занятости молодежи, создание возможностей для получения специальности, продолжения образования. Один из главных путей достижения этих целей — единство действий всех левых сил страны, молодежных организаций.

ХАНОЙ. Со всех концов республики в северные провинции, пострадавшие от китайской агрессии, поступают учебники, одежда, детские игрушки, продовольствие. Молодежь СРВ проводит субботники и воскресники, передавая заработанные средства на приобретение оборудования и устройство яслей, детских садов и площадок. Вьетнамская общественность развернула кампанию, посвященную детям, под лозунгом «Ради нашего будущего».

ПЛОВДИВ. В этом болгарском городе проходил первый международный конкурс студенческих работ по сельскохозяйственным наукам. В нем приняли участие студенты — лауреаты национальных конкурсов из СССР, Болгарии, Польши, ГДР и Чехословакии. Решено, что такой конкурс станет ежегодным.

ЛОНДОН. Тысячи демонстрантов прошли по улицам британской столицы, протестуя против разгула молодчиков из «национального фронта» и произвола полицейских властей, жертвой которых пал недавно учитель Блэар Пич. Когда антифашисты подошли к штаб-квартире «национального фронта», их встретил плотный полицейский кордон. Представитель демонстрантов Патрик Кодикатра сказал: «Мы будем возвращаться на эту улицу до тех пор, пока фашистские молодчики не уберутся из Ист-энда». Демонстрантов поддержала лондонская ассоциация советов тред-юнионов, которая так же потребовала роспуска специального полицейского подразделения, охраняющего сборища неофашистов.

На снимке: демонстранты с плакатами «Трагедия Блэара Пича не должна повториться», «Положить конец фашистскому и полицейскому насилию».

ЭТА ЮНОСТЬ — ХОЗЯЙКА РЕСПУБЛИКИ

Александр ШУМСКИЙ,
Геннадий МАЛАХОВ (фото),
наши спецкоры

1. РАЛЬФ КРИСТОФФЕРС, КОРАБЛИ И СЫНОВЬЯ

— Какое вино предпочитает ваша жена? — спросили мы Ральфа Кристофферса, потому что шли к нему домой по тихим улочкам Ростока.

— Красное, — ответил Ральф и покраснел. Ему было двадцать два года, и в доме № 19 на Будапештштрассе его уже ждали жена Илона и сыновья: Бернт и Уве (два с половиной года).

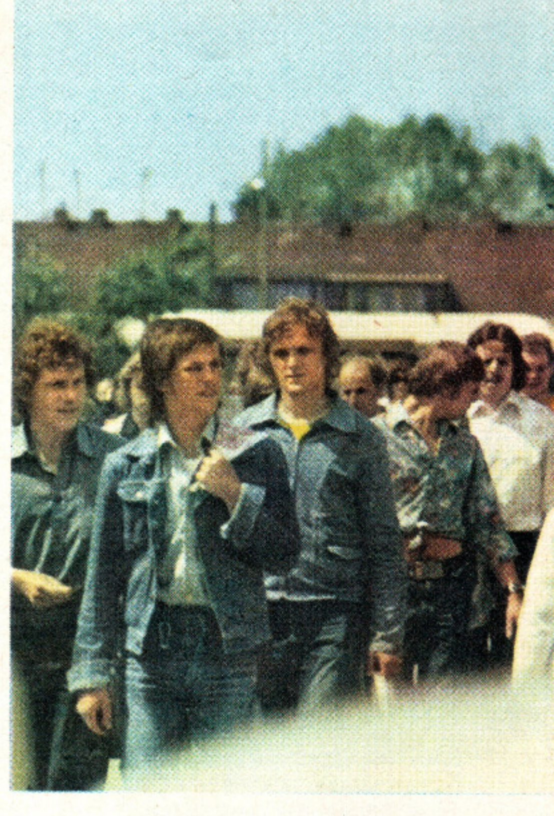
Мы взяли вина на углу в магазине, где пахло корицей и розами и где, стоя в аккуратной очереди, я успел прочитать рекламный проспект интеротеля «Варнов».

«Вы в гостях в старинном ганзейском и университетском городе Ростоке; сегодня это современный город с интернациональной атмосферой. Из вашего комфортабельного номера открывается захватывающая панорама Ростока со старинной гаванью, церковью св. Марии, средневековыми постройками из необожженного кирпича и современными магазинами, так и зовущими погулять по улицам и сделать свои покупки».

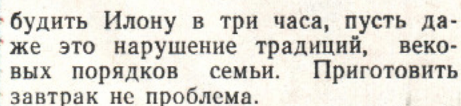
А Ральф родился в этом городе. И пока он рос, Росток в его глазах изменялся в обратной с ним, Кристофферсом, пропорции: дома становились ниже, деревья меньше, переулки короче. А потом, в десятом классе, расстояние до школы превратилось в пустячок. Ральф возглавлял колонну мальчиков на физкультуре, имея рост 185... Лишь в раннем детстве мир нам кажется огромным.

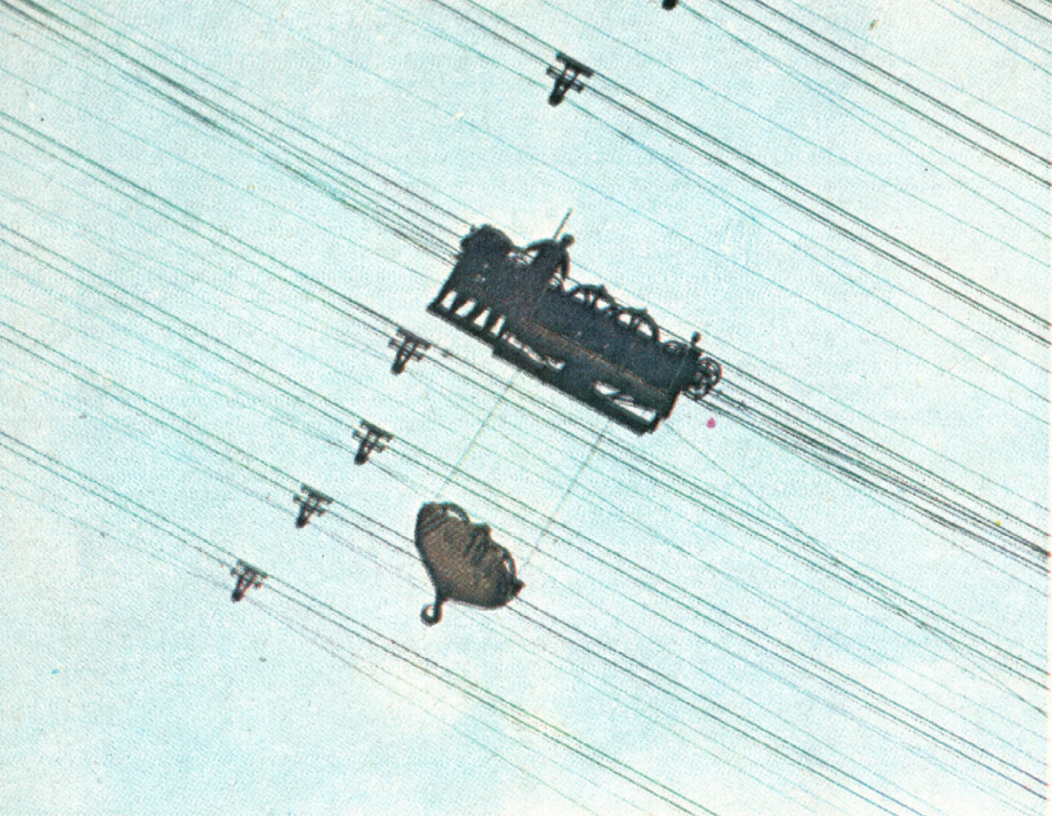
И только корабли на верфи Варнов в его глазах остались прежними, большими. А те, что стояли в гавани, как петухи, будили город на рассвете прощальными долгими криками, словно звали с собой в океан. Но Ральф остался здесь, на берегу. Потому что встречать корабли — это вовсе не женское дело. Они же требуют ремонта...

Дух моря, соединенный с духом города ветрами, проник через печные трубы в квартиры горожан и поселился в доме навсегда. И я не удивился, увидев медные блестящие перила на лестнице, ведущей к двери Ральфа. Удивилась жена Кристофферса — Илона: она в тот вечер не ждала гостей. На наш звонок вылетел к двери Уве: он думал, это дед пришел. Он всегда приносит внуку подарки — шоколад или жвачку.

— Игрушки ему дарить опасно, — сказал мне Ральф, — он все их разбирает по деталям. По-видимому, будет монтажником.

— А это совпадает с планами родителей? — спросил я.

— Конечно. Пусть сам выбирает. Мы не будем нажимать на Уве. Да, Илона?

Жена кивнула. Она смотрела снизу вверх на Ральфа и не скрывала уважения. Муж был младше ее на полгода. Голубоглазый, с золотыми волосами. По-моему, он соответствовал ее мечтам и представлениям о муже.

— Мы не собираемся из Уве выращивать скрипача. Каждый, кто занимается своим делом, уже достойный человек. Не хуже академика, например, — пояснил свои мысли Ральф.

По воскресеньям отец и сын идут на Шпильплац, на детскую площадку, где Уве ползает по шведским стенкам, как белобрысый паучок. И упасть не боится. Чего ему бояться — папа рядом. В этой жизни для Уве страшны только мухи и пчелы. Как увидит, бежит и плачет на ходу...

Я спросил у Ральфа:

— Не жалеешь, что рано женился?

Он ответил:

— А что, есть граница, когда молодой человек должен или не должен жениться?.. Я рад, что имею семью.

Через час я убедился окончательно, что такой распорядок жизни вполне устраивает Ральфа Кристофферса, электросварщика с верфи Варнов.

Кристофферс надевает спецовку, защитную маску и каску и берет в руки сварочный инструмент, как портной огромную иглу: сейчас будет шить костюм двубортный для корабля типа «Монсун» или типа «Меридиан-2». И люльки кабельного крана будут раскачиваться над го-

Вот он, этот распорядок: подъем в половине четвертого. Ральф бесшумно бродит по квартире в бледно-розовых лучах рассвета. Ставит кофе на плиту, жарит гренки, жена еще спит. Так он сам порешил: не будить Илону в три часа, пусть даже это нарушение традиций, вековых порядков семьи. Приготовить завтрак не проблема.

Ральф выходит из дома в четыре, когда черепичные крыши, остывшие за ночь, хранят еще ночные тайны горожан. У магазина на углу из продовольственной машины двое в синих комбинезонах выгружают коробки с сыром, клетки с молоком и холодным какао в утолщенных бутылках. Будет день, будет пища...

Ральф садится на первый поезд до верфи и полчаса глазами листает акварели за окнами: с каждой минутой они все ярче — утро наступило. Поезд останавливается прямо против проходной. И эти сто метров до ворот Кристофферс идет в плотном строю корабелов. У шлагбаума все делают один и тот же жест: предъявляют пропуска в развернутом виде и кивают вахтеру. И так повторяется каждое утро по всей земле, все дни недели, кроме выходных. Разница во времени в общем несущественна.

ловой, на страшной высоте, под колыбельную песню металла, который режут, варят, куют, прессуют. А он поет до безумного звона в ушах. Девять месяцев рождается корабль. Это в среднем. Так сколько же их сошло со стапелей с 26 июня 1946 года, когда была основана верфь в устье реки Варнов? Правда, годы ушли на монтаж оборудования (1950—1954-й — первая пятилетка республики).

И в том же, 1954-м стали строить новые типы судов по заказу Советского Союза. Конечно, первый транспорт назывался «Мир». Он вышел в море летом 57-го года, весь украшенный флажками, и духовой оркестр проводил его маршем на пристани. Но в открытые окна городского роддома не долетали звуки музыки из порта — ветер был с берега. Зато здесь так же звонко кричал младенец. В семье бухгалтера Кристофферса родился белокурый мальчик Ральф. Так совпали два эти события, связи между которыми тогда никто не находил.

«Затем на верфи была построена серия судов для перевозки угля и руды; корабли типа «Тихий океан» и «Океан»; «Индик» — транспорт для плавания в тропических водах; «Варнемюнде», «Меркур», ЛЗ-2, «Монсун»... По данным на 31 декабря 1977 года, верфь Варнов сдала в эксплуатацию 225 больших океанских кораблей с общей грузоподъемностью 2 миллиона 660 тысяч тонн. Из них 92 судна — для Советского Союза».

— Тысяча человек строят один корабль, — сказал Ральф, когда мы сидели за столом у него дома. В соседней комнате жена Илона кормила маленького Бернта.

— В одной нашей бригаде — восемьдесят.

— Все сварщики?

— Нет, что вы! Бригада у нас комплексная, — объяснил Ральф. — И автогенщики, и сварщики, и слесари-монтажники...

— А для какой страны вы строите «Монсун» и «Меридиан-2»? — спросил я.

— Трудно сказать. Мы узнаем это в последний момент, когда на борту появляется имя. «Меридианы» обычно идут в Индию, Францию, Югославию... Только суда типа УЛЕСЦ делаем исключительно для Советского Союза. Это корабли с высокой проходимостью во льдах.

(Я вспомнил подарочную фотографию парохода «Дмитрий Донской» в окружении непролазных льдов. И подпись под снимком: «Порт Дудинка, 1977 год». Фото я видел утром в конторе верфи. Там же мне сказали: «Одиннадцать новых типов кораблей, разработанных вместе со специалистами из Советского Союза, запущены в производство на верфи Варнов. Эти суда — лучшие на Северном морском пути. Четыре из них успели прекрасно проявить свои качества в деле: кололи лед толщиной 50 сантиметров на скорости до четырех узлов».)

— Ты видел в море корабли, которые построил? — спросил я Ральфа.

— Ни разу.

В комнату с криком ворвался Уве:

— Папа! Я хочу купить дерево! Дерево хочу...

— Дерево купить нельзя.

— Тогда машину или мотоцикл! — потребовал Уве.

— Машину можно. Но не хочется деньги одалживать. Давай я тебе лучше нарисую авто.

— Давай, — охотно согласился Уве.

Отец взял блокнот и фломастер, нарисовал оранжевый «трабант» и в нем человечка.

— Это Уве! — закричал догадливый сын. И побежал хвалиться маме. А мы вернулись к биографии отца.

В 1973 году, после десятого класса, он решил не идти в одиннадцатый (в ГДР школы — двенадцатилетки), а получить специальность монтажника-трубопроводчика. Этот шаг объяснялся просто: у Ральфа было два старших брата — Дитлеф и Вольфганг. Он им, естественно, старался подражать. А они уже тогда работали на строительном комбинате.

Однако Ральф монтажником не стал: не было вакансии. В училище предложили специальность корабела — он согласился. Учился два года. Первое время в бригаде ему доверяли самые простые операции по электросварке. Фиксировать точки, например. Но он не обижался: Ральф уже тогда был рассудителен, как его отец-бухгалтер. И потом, здесь работали десять его одноклассников на тех же условиях и не обижались. Терпение — залог успеха. Так считали одноклассники на верфи Варнов — «предприятии отличного качества».

— И вот однажды, — рассказывал Ральф, — начальник смены Руди Хадлер дал мне задание по чертежам, которое до этого я ни разу не выполнял. Он оставил бумаги и сказал, что ему надо куда-то уйти. И ушел, зная, что я еще очень слабо разбираюсь в чертежах. К концу дня он вернулся и пожал мне руку: работа ему понравилась. Лишь потом я догадался: Хадлер нарочно оставил меня одного. Испытывал... Вы можете написать, что я все знания по электросварке получил благодаря ему?

— Могу.

— И я хочу еще подчеркнуть: он умеет вникать в чувства других людей. И мне нравится его тон с подчиненными. Во всех ситуациях может быть сдержанным. Этим он напоминает мне отца...

Илона подавала ужин: бутерброды с колбасой, ветчиной и сыром. А также яйца, сваренные вкрутую.

За окнами летали аккуратными кругами почтовые голуби. Их крылья на солнце меняли окраску и были похожи на бледные розы в саду Кристофферсов. Дома стояли под плащом заката. Скоро Ральф получит новую квартиру и потеряет прелести старинного уюта: печь, брикеты угля в сарае, алые розы, которые трутся щекой о небритую стену из серого камня.

— Жаль, завтра я работаю с утра, — сказал Ральф после ужина. — Я показал бы вам Росток. Новые районы, а потом старые — для контраста. Потом верфь. И крепостную стену, и церковь святой Марии.

— А кстати, Ральф, в какое время ты хотел бы жить? — спросил я.

— В наше, — ответил он, пожав плечами гандболиста. — Я рад, что родился вовремя.

— Ну хорошо. Тогда я спрошу по-другому. В какой эпохе ты хотел бы появиться ненадолго — как турист?

— Лет через триста. Или позже...

— Позже! — вдруг крикнул Уве по-русски. Видно, слово ему понравилось. И все засмеялись. А хозяин сказал серьезно:

— Хочу посмотреть, какими станут улицы, как шумные машины пойдут в объезд, по окраинам. А в старинном центре будет пешеходная зона...

А позже я узнал: у Ральфа есть более реальная мечта.

— С пятого класса в школе мы изучали историю. И меня уже тогда интересовала жизнь и работы древних ученых. Потому что во многом, мне кажется, судьбы человечества зависели от их идей, открытий и просто гражданского мужества. Ведь не у всех хватило сил нести над миром тяжкий факел разума, прогресса... Я сейчас читаю книги по древней истории, какие можно взять из двух библиотек: заводской и городской. Надеюсь серьезно заняться историей в Ростокском университете.

Жена Илона снова с уважением глянула на мужа: снизу вверх. А я посмотрел на книжные полки Кристофферсов. Симонов, Шолохов, Зегерс, «Тихий Дон», «Солдатами не рождаются», «Живые и мертвые»...

Заговорили о книгах.

— Пять лет назад я прочитал Симонова. От брата Дитлефа получил рекомендацию и прочитал. Симонов пишет честно. Я это понял сразу.

...Хозяин провожал нас в сумерках. Он был возбужден разговором (за ужином пили немного). На последний вопрос он ответил так:

— Самое трудное в жизни — это сделать счастливым близкого человека. Для меня, например, жену.

И я вспомнил стихи, написанные совсем не по поводу Ральфа Кристофферса и его философии. Но сейчас они были по поводу.

«Время есть, годится настроенье.
Холст и краски, тишина в семье.
Потому-то каждое творенье есть хвала порядку на земле».

...А рано утром у причалов Ральфа ждали корабли, как кони в стойлах своего кузнеца. Он придет, набьет подковы, наладит сбрую — и вперед. Там стояли на привязи «Франкфурт-на-Одере», «Максим Михайлов» и «Адмирал Ушаков». А мимо них скользил по гавани прогулочный катерок «Ундина», полный пляжников-курортников. И голос гида бился о причалы:

«С палубы нашего парохода открывается захватывающая панорама города со старинной гаванью, церковью святой Марии...»

2. ДА ЗДРАВСТВУЕТ КЛУБНИКА С МОЛОКОМ!

Заяц нам перебежал дорогу в полдень. Было жарко, и он лег в тени под деревом и уши опустил — успокоился. Он совсем не боялся людей. Привык. Да и люди были молодые, симпатичные, с загорелыми ногами. Ученики одиннадцатого класса школы имени Клары Цеткин в городе Айзенхютенштадт.

Чем они занимались три недели в июне? Собирали черешню с клубникой. И это не было летней практикой, а считалось уроками — составной частью учебной программы. А работали они в районе Хафель, недалеко от Берлина. Поля, где они собирали клубнику, сады, где они обрывали черешню, и домики, где они жили, — все это вместе называлось молодежным объектом «Хафельобст». («Обст» по-немецки значит «овощи».)

«Хафельобст» имел свою историю. Пока короткую, но яркую, цветную. «11 марта 1975 года область Хафель, которая специализируется на производстве овощей и фруктов, по решению Совета Министров ГДР и Центрального Совета ССНМ была объявлена Центральным молодежным объектом».

У нас это называется комсомольской ударной стройкой. Но суть одна: молодежи доверяют государственное дело. IX съезд СЕПГ дал задание: увеличить урожай на площади 10 тысяч гектаров, чтобы круглый год можно было снабжать свежими овощами и фруктами Берлин, Потсдам, Вердер и другие города. Уже в 77-м году ребята собрали 20 тысяч тонн яблок, персиков, слив, вишни, черешни, клубники. Вся продукция хранится в современных холодильных установках и потому не пропадает. Каждый год сажают молодые деревья. В основном яблони... Кроме того, 30 процентов всех помидоров республики выращивают здесь. Горожане получают отсюда свежие огурцы, цветную капусту, салат и спаржу. Вот что такое «Хафельобст».

Но нас, как всегда, интересовали не только цифры, но и люди, которые их достигли. И чтобы встретить людей, мы вышли из машины у самодельного фонтана, который крутился справа от входа в летнюю столовую, и солнце искры высекало из воды.

Их привезли на двух автобусах из сада. Они опускались на землю, как усталые ангелы. Ах, как же они счастливо устали. У всех болели руки и спина, но многие смеялись, глотая сладкие черешни. Мальчики в шортах, девочки в купальниках, загорелые, стройные, длинноногие, они помчались умываться по команде. Учитель математики и физики Вернер Ниденфюр улыбался в выгоревшие усы. Он уже третий год выезжает летом с учениками в Хафель и неизменно считает эти дни лучшими днями года.

...В столовой они пили молоко с клубничным сиропом. Молоко было цвета донского игристого — нежно-розовое в белом бидоне. Потом пять девочек рассказывали мне, как они здесь живут.

— Когда идет дождь, мы не работаем, — сказала Хельма, самая высокая.

— А подъем у нас в пять, — сказала Николь, — но вставать легко: светает рано.

— Норма — 25 корзин клубники. Это двадцать пять килограммов в день на каждого, — сказала Кристин.

— У нас уже было два выходных. Один провели в Потсдаме, а второй здесь — играли в волейбол, — сказала Мартина.

— Мы решили на каникулы поехать в Венгрию, на озеро Балатон, — сказала Кати. — Впятером поедем, одни девочки. Без родителей.

— Откуда такие деньги? — спросил я.

— Здесь заработаем, — сказала Хельма, самая красивая. — А последнюю смену будем трудиться бесплатно. В фонд солидарности с народами развивающихся стран.

...После обеда поговорили о будущем. Хельма решила стать врачом, Николь — скульптором, Мартина — строителем. Конечно, клубнику собирать им нравится, но всю жизнь работать в сельском хозяйстве они пока не хотят.

А в трех километрах отсюда мы встретили в поле ребят, которые уже решили для себя, кем быть. Садоводами.

— Начиная с 1977 года каждое лето 350 человек после 10-го класса поступают в новую специальную сельскохозяйственную школу в Вердере, получают профессию садовода. Расписание занятий им нравится: три недели практика, две — учеба. Через два года — диплом садовода, — рассказал нам Ганс Эккерт, преподаватель сельхозшколы. Он стоял посреди разогретой сухой земли и, приложив ладонь ко лбу, как в свое время Илья Муромец, считал учеников в чистом поле. Они ползали с корзинками — все колени в земле — девяносто четыре будущих садовода, которым еще предстоит сажать по всей республике черешни, яблони и вишни и урожай собирать с них в двадцать первом веке... Но они сейчас не думали об этом. У них была норма на каждого — 50 килограммов в смену, и площадь под клубникой — 46 гектаров. И всего две недели на сбор урожая.

Впереди всех в соревновании шла Милита Люнен. Ее рекорд — 100 килограммов за смену.

— Как же ты после такого рекорда сумела дойти до постели?

— Не помню. Я еще в тот вечер играла в бадминтон, кино смотрела, танцевала в дискотеке в Вердере...

Больше я ей вопросов не задавал. Все ясно: в шестнадцать лет энергии хватит на все урожаи — было бы что собирать.

...Четвертый год подряд хозяйки Берлина, Потсдама, Вердера украшают обеденный стол в январе салатами из свежих помидоров, огурцов, редиски. А где-нибудь в марте подают на десерт черешню — как будто прямо с ветки. И все привыкли к этому. И никто не удивляется. И кажется, что было так всю жизнь: снежок на улице, а в квартире от печки тепло и пахнет клубникой и парным молоком. Да здравствует клубника с молоком!..

Человек к хорошему привыкает быстро.

3. ЕСТЬ МАРЦАН НА КАРТЕ — БУДЕТ НА ЗЕМЛЕ

...И вероятно, через год, пролетая над новым районом Берлина — Марцаном, — авиапассажиры компании «Интерфлюга» увидят под крылом те же дома, и бассейны, и улицы, которые я видел на макете в информационном центре. Только материал будет другой — не пенопласт и крашеная губка, а стекло, металл и бетон. И впечатление будет другое.

И как было берлинцам обещано, они получат до Нового года 35 тысяч квартир.

Так, значит, правильно сказал Вильфрид Фогель, заместитель начальника отдела «Югендинициатива Берлин» в Центральном Совете ССНМ:

— Теперь все понимают: есть экономический смысл в том, чтобы доверить молодежи важные объекты республики.

И он их перечислил с удовольствием:

— Водонапорная башня, металлургический завод, гавань в Ростоке, атомная электростанция «Север», трасса «Дружба», «Хафельобст»... И очень важный объект — Берлин. Город на границе двух миров. По нему наши гости судят о всей республике. И многое зависит от того, как будет выглядеть столица.

Пока он это говорил, я вспоминал свои прогулки по Берлину. Старинные здания с опаленными стенами. И стройные двухметровые березки на бульварах и на куполах разбитых дворцов и храмов — дикие сады войны... И новый проспект Лейпцигштрассе, похожий на Калининский проспект у нас в Москве, и Дворец республики с зеркальными стенами, и отель «Метрополь», и клумбы, аккуратные, как стрижка у отличницы, и старенькие узкие трамваи.

— Что нам осталось в наследство от старого города? — спросил риторически Фогель. — Казармы для солдат, уборные во дворе, темные дома, налепленные друг на друга... По проекту нам предстоит снести 80 тысяч жилых домов, которые давно уже нежилые. Их невозможно реставрировать. Таких построек очень много в районе Восточного вокзала.

К 1990 году мы должны сдать 300 тысяч квартир. Из них 230 тысяч — новой постройки, остальные — реставрированные. А к концу пятилетки, к 1980 году, 77 тысяч квартир. Ясно, что берлинцы одни с таким планом не справятся. Столицу строит вся республика. Шесть тысяч строителей работают сейчас на 145 молодежных объектах. Отряды из четырнадцати областей ГДР выполняют задания заказчика: со своими материалами, техникой, машинами строят дома, мосты, стадионы и школы.

Самый трудный объект — девятый район Берлина — Марцан.

...Бригадир монтажников из округа Зуль — Отто Райсиг — пустил по кругу бутылку с яблочным соком, и каждый сделал по глотку. Потом все взяли инструменты — кирку и лопату — и пошли на рабочее место, в котлован. На краю обрыва Отто Райсиг объяснял мне, как они проложили по новому методу две огромных трубы под землей. Он говорил, показывал руками, даже позвал на помощь рыжего Хольгера Лозе, которого вы видите на снимке, тот тоже начал объяснять современную технологию монтажа подземных коммуникаций... А я подумал о другом: как удивительно просто сочетаются в каждом из них опыт и молодость. Ведь стройка в Берлине уже не первая почти для каждого. Бригада Хартмута Бёрнхена — Шмидта работала раньше в Цвиккау — Планице, где ей было присвоено имя известного антифашиста Артура Беккера. Бригада Вилли Кайзера прокладывала газопровод «Дружба»...

Привычку кочевать, корчевать и строить человечество воспитывало в себе веками. Жаль, что страсть к разрушению не всегда слабее этой славной страсти.

В кабинете в Центральном Совете Вильфрид Фогель называл нам цифры. Это была арифметика грандиозной стройки. А для молодых берлинцев, уважающих с детства арифметику за точность, эти цифры были как стихи. Я уверен, что они их знали наизусть: стихи публиковались в прессе. Поэма называлась «Год 1990-й, Берлин». И начиналась так: «Семь тысяч километров кабеля для телефонной сети и электроэнергии, 800 километров водопровода, 400 километров дорог, 40 мостов, 12 станций метро, 30 трансформаторных станций — все это молодежь республики построит, проложит, протянет в Берлине к 1990 году!»

...А в первых домах Марцана уже живут новоселы, которых очень скоро переименуют в старожилов: сейчас такие темпы строительства — сами знаете.

С балкона одного из новоселов, с десятого этажа, наблюдали мы город Берлин. Хозяину было лет сорок пять, звали его Хорст Бастьян. Когда-то он был детским писателем. Теперь его читатели подросли, и он стал писать для взрослых. Нам он сказал так:

— За всю свою историю Германия никогда не была единой по духу. Их всегда было две: Германия Круппа, Гитлера, юнкеров и Германия Маркса, крестьянской войны, революции 1918 года... Возродить в литературе культ немецкого уюта, мне кажется, не наша задача. Мы должны рассказывать миру о действительности. О том, что сегодня появилась возможность на немецкой почве создать государство, где всем можно хорошо жить. Только для этого необходимо помнить слова Андерсена-Нексе: каждый человек носит на себе груз всего человечества...

...И через день, пролетая над новым районом Берлина — Марцаном — на самолете авиакомпании «Интерфлюга», я закрыл глаза и увидел под крылом дома и бульвары, и улицы, и, конечно, зеленый парк. И даже с такой высоты было ясно, какая в том парке трава — аккуратная, как стрижка у отличницы.

Берлин — Москва

ЗА ГОРАМИ, ГДЕ ДОМ ИБРАГИМА...

РАССКАЗ ЭФИОПСКОГО СТУДЕНТА О КОРОТКОЙ ПОЕЗДКЕ НА РОДИНУ

Александр РОЩИН

Ибрагим похож на Пушкина. Только он смуглее и в очках. Он чертит дипломный проект в общежитии, а в соседней комнате грохочет «Бони М» — там под музыку идет генеральная уборка. Но Ибрагим привык к таким помехам.

Пух с тополей гоняет ветер по этим сложным чертежам... Шесть лет учился Ибрагим Ахмед Умéр на инженерном факультете в Университете дружбы народов имени Патриса Лумумбы. И столько же лет не был дома, в Эфиопии, в городе Хараре. С 24 августа 1973 года не был. И вот теперь летел в Аддис-Абебу.

...В самолете он разволновался. Внизу, вдали, за тридевять земель, ждала его единственная, одна на белом свете, благословенная земля. Человеку всегда кажется, что она его ждет: ведь так он чувствует себя уверенней.

Погода в Эфиопии стояла как в Москве: было жарко и безоблачно, когда он вышел из салона самолета.

«Господи, — подумал в тот миг Ибрагим, — эти горы пять лет назад видели революцию. Они ее безмолвные свидетели. Они прятали эхо ее выстрелов, укрывали ее бойцов. И хранят до сих пор эти тайны».

В аэропорту он не встретил знакомых.

Воспоминания нахлынули потом. Они обрушились как ливень и били его до озноба, когда он вошел во двор, где вырос и откуда улетел.

Это было в субботу вечером. Ибрагим шагал через двор, и его никто не узнавал.

Просто они не ожидали меня. И вдруг я вечером появился!.. Они очень испугались: неизвестно, откуда я пришел. У них произошла революция и много было убитых. Поэтому они были очень грустные: столько человек погибло в нашем городе. И особенно в городе Джиджиге, где у нас были родные. И как они исстрадались в результате агрессии. И все эти родные приехали в Харар и жили у нас. И как им было очень тесно.

Семья садилась ужинать. Мать подала обычную еду. Кто же знал, что приедет Ибрагим?

А я хотел кушать только национальные блюда. А мама приготовила современные, типа европейских. Я отказался. Я говорю: «Дайте мне хульбет-марах». Это такой очень простой суп, в нем мясо, перец, помидоры. Только бабушка хорошо знает, как его делать.

Утром Ибрагим проснулся легко и рано, как просыпаются лишь в детстве, чтобы увидеть этот мир с самого начала: как восходит солнце над горами, как ему подставляют щеки маленькие апельсины, как колосья пшеницы шушукаются с землей.

Ибрагим обошел владения отца: пять гектаров земли. И каждый метр был ему рассказом. Ему — и больше никому.

Фрукты у нас всякие были: помидоры, апельсины, мандарины, яблоки. И еще много, но на русском языке не знаю, как называются. Фрукты мы продавали, а вот хлеб дома оставляли, для семьи. Урожай мы один раз в году собирали, и фруктами мама торговала на базаре. А отец выращивал хлеб, пока не заболел. Он заболел легкими и после этого стал неспособный. Я учился в четвертом классе. Тогда одна мама работала, а нас четверо: я, старшая сестра и еще младшие брат и сестра. Брат с сестрой были очень маленькие, они тогда, кроме молока, ничего не кушали... Вдруг мама заболела. Она родила шестнадцать детей, из них осталось только четверо. Это уже показывает, какая тяжелая была жизнь. У мамы заболела спина, и она осталась дома. Старшей сестре исполнилось тринадцать лет, она начала помогать семье, потому что учиться вдвоем было уже невозможно: за учебу родители больше не могли платить.

Школа, в которую он ходил, стояла в четырех километрах от дома. Это была религиозная школа, где Ибрагим хотел просто научиться грамоте. А по вечерам он бегал в другую школу.

Там нас учили студенты. Они собрали тех, кто не может платить... В это время я жил у тетки, потому что родителям нечем было кормить всех детей. Вот так, с большим трудом я учился в пятом и шестом классах. Вечерняя школа была только до шестого. Поэтому мне пришлось уехать в другой город, в Диредаву...

История Ибрагимова детства понятна, наверное, людям на любом из пяти континентов. Другое дело — не везде ее примут за действительность сегодня. Но она еще свежа и не успела стать легендой, как многое в его стране. Да ведь и сам Ибрагим не старик, хоть печальна его улыбка. Так улыбается Вольтер, изваянный многими скульпторами разных

эпох. В его глазах терпение, и страх, и мудрость.

С упрямством крестьянина рылся в книгах Ибрагим.

У нас в Диредаве был богатый дядя. А у двоюродных братьев отца тоже были дети — мои троюродные братья. И они тоже приехали в Диредаву. Дядю звали Мухаммед Адус. У него было два дома, две жены, магазин, где продавали тряпки.

Я жил у дяди вместе с другими его племянниками. Но они были из богатых семей, и им все посылали: и деньги, и продукты. Мясо, халву, мед... Я там учился три года. Очень тяжелые три года. Потому что я там был лишний: мои родители ничего не могли прислать. А слуги дяди Мухаммеда все время спрашивали только у тех ребят: принести обед или ужин? А когда ребята ели где-нибудь в другом месте, в городе, я оставался без еды. Такие времена были. Меня никогда не спрашивали: кушал я или нет, хотя знали, что нет...

Однако была уже последняя треть XX века. А Ибрагим, несмотря ни на что, был ребенком своей эпохи, любознательным и вдумчивым. Стоило ему задуматься на уроке, как тут же в голову сверчком влетал вопрос «когда?». Когда все это кончится? Люди ходят по Луне в ботинках, а мы до сих пор по Земле босиком...

В детстве он хотел увидеть императора. Сначала просто так. А потом, чтобы спросить: когда же это кончится?

Вообще было очень трудно увидеть императора, потому что он был очень не уверен, что народ к нему хорошо относится. Особенно молодежь, студенты враждебно были настроены к нему и к членам правительства. Поэтому всегда там, где император проходил, разгоняли народ жандармы. Со мной такое было много раз. А в школе нас учили, что он послан богом. В книгах про него написано: «Император всех императоров». Нас учили, что он освободил Эфиопию от итальянских колонизаторов, от фашистов. На самом деле он в это время убежал, а освободили Эфиопию партизаны. А император, чтобы рассказать миру об Эфиопии, сбежал в Англию... Семья у него была очень большая. Считалось, что они ведут род от царя Соломона. И нас заставляли учить жизнь каждого человека из императорской семьи. Нам говорили, что у него такая хорошая собака, которая все знает. Вот если кто-то собирается что-то делать против императора — собака сразу начинает рычать...

В общем, история Эфиопии в школе была историей императорской семьи.

Через много лет Ибрагиму все-таки удалось увидеть императора в упор. Но теперь он ему был неинтересен — этот старый, больной человек.

После окончания Политехнического института в Бахрдаре император нам вручал дипломы. Перед церемонией нас учили, как вести себя: когда он подходит, не надо смотреть прямо на него, надо наклониться и смотреть в землю... Так мы тренировались. Не у всех были галстуки и белые рубашки. Приказали найти или купить. У некоторых была борода и длинные волосы — по национальному обычаю. Всех заставили бороду сбрить и постричься...

Политехнический институт в Бахрдаре — дар Советского Союза Эфиопии. Преподавание ведется на английском, но все преподаватели советские. Поступить туда непросто: на сто человек — четыре вакансии. Конкурс, как во ВГИКе. Но Ибрагим прошел и его с упрямством крестьянина.

В Бахрдар вело его предчувствие начала новой, светлой полосы в судьбе. И он не ошибся.

Теперь платить ничего не надо было. Книги бесплатно в библиотеке получали. Кушали и спали в общежитии. В комнате жило человек двадцать всегда. Были студенты из многих провинций Эфиопии. В школе нам о других народах ничего не рассказывали. А здесь мы стали рассказывать друг другу о своей провинции. В институте мы стали читать журналы, газеты, которые выходят в Советском Союзе. У нас там были кинозал и фильмы очень интересные. И не надо было платить. Каждый день мы смотрели советские фильмы. А жены советских преподавателей сами стали по вечерам после уроков заниматься с нами русским языком.

Но директор института очень скоро запретил нам учить русский. Директор был очень злой человек.

Жизнь Ибрагима изменилась: новая началась и продолжалась. И специальность инженера-электромеханика давалась ему легко, потому что он был студентом старательным и честным. И на занятиях ни о чем постороннем не думал: о сне в постели или о супе с мясом, например. Он был молодым, закаленным годами в Диредаве, самостоятельным парнем, способным своими руками хоть как-то изменить судьбу. Но в Хараре остались родители, и отцу было семьдесят лет... Что он мог, старик Ахмад?

Ибрагим тосковал по дому.

Я с ними переписывался. Жизнь у них такая же осталась. Мама работала, и старшая сестра Меймуна тоже работала. А младшие брат и сестра ходили в ту же религиозную школу, где молились богу, чтобы он их не забыл.

А в это время их сын и брат Ибрагим Ахмед вместе с другими студентами Политехнического писал письмо императору, чтобы вручить его в торжественный день окончания вуза. В письме было сказано, что молодые эфиопы получают очень нужные для родины профессии в Политехническом институте, а потом не могут найти работу... Студенческий совет вручил послание императору. Тот прочитал и сказал: «Мы подумаем».

Но подумать не успел...

В феврале 1974 года в Эфиопии начались народные волнения. К тому времени Ибрагим уже шесть месяцев жил в Москве, где узнал, что такое зима, которой на родине никогда не бывает. Но и там случаются крупные события, несмотря на стабильное лето.

Я впервые прочитал в газете «Правда» о том, что в Эфиопии волнения. И водители такси перестали работать. И все трудящиеся столицы, и студенты, и преподаватели вышли на демонстрацию против императорского режима. И это было началом революции.

В тот же день Ибрагим написал домой: как там наши? На его письма обычно отвечали соседи — они были грамотные. А на этот раз, через несколько месяцев, ответил бедный дядя, другой брат отца — бедняк Ахмед Абдош. Он писал, что после революции и после агрессии жить очень тяжело. Но не жаловался ни на кого. Писал, что это — классовая борьба.

И это человек, который раньше вообще ничего не знал, не умел читать. А сейчас мне пишет: «Отец твой и все мы понимаем, что это временные трудности».

Конечно, я был очень доволен письмом. Теперь мой дядя в кооперативе. А так как он грамотный, то работает в кабинете председателя. Секретарем.

И с тех пор уже не простая тоска по дому звала Ибрагима в Харар, в Эфиопию, а какая-то радостная тревога, как бывает при рождении ребенка: каким он будет — умным? добрым? злым? великодушным?

В каждом письме теперь были новости. И все большие.

«Как только я узнал, что родители стали мало платить за квартиру, я очень обрадовался. Раньше платили двадцать лир в месяц, теперь — десять. Потому что после национализации городских домов плату для бедных снизили на 50 процентов. Во всех районах появились кооперативные магазины. Там люди могут купить хлеб. И предметы первой необходимости: спички, соль, керосин... Раньше в городе очень грязно было. А сейчас этого нет, потому что часто бывают воскресники.

Так писал ему в Москву дядя Ахмед, брат отца. Ибрагим хранил его письма и вырезки из газет, в которых есть слова про родину и фотографии ее.

Время в судьбе Ибрагима имело размеренный ход и твердо шло, как пахарь по земле. До той минуты, когда он вышел из самолета в аэропорту Аддис-Абебы и подумал: господи, эти горы наблюдали революцию.

...А позже, дома, он проснулся рано утром и увидел лес в окне. А в детстве леса не было: горы стояли лысые.

А еще лес появился за городом. Мне объяснили откуда. Каждая семья несколько раз в году выезжает на воскресник и сажает национальные деревья. Чаще всего эвкалипты. Это обязательно.

За городом теперь у людей есть место, где можно отдохнуть.

Конечно, я не могу сказать, что внешний вид Эфиопии изменился за пять лет, что везде построены высокие дома и так далее... Нет, не до этого. Важно, что люди начали друг друга уважать, понимать. Раньше думали только о себе: иначе не проживешь. А теперь понимают, что надо помогать, поддерживать друг друга. Вот, например, отец рассказывал: пришли к нему студенты из ассоциации городских жителей и говорят, что он должен учиться и мать. Конечно, отец очень удивился и пришел в штаб-квартиру ассоциации городских жителей. («Кебеле» называется. Это как у вас райком.) «Давайте, — говорит, — я научу вас религии». Они рассмеялись и сказали: «Спасибо, Ахмед. Религия — личное дело. А каждый эфиоп должен знать грамоту своего языка. Это обязательно».

За завтраком Ибрагим ел ухат, с удовольствием ломая пальцами теплую мякоть (ухат — национальный хлеб). Отец смотрел на него, как на учителя: Ибрагим видел мир!.. Правда, здесь тоже происходили удивительные вещи.

— Помнишь дядю Мухаммеда Адуса из Диредавы, у которого было два дома, две жены, магазин?.. Жен этих уже нет и магазина тоже. Совсем другая обстановка теперь. Не думал он, что так все будет, что богатство кончится... А эти ребята, которые жили с тобой у Мухаммеда, уехали из Эфиопии. Испугались.

Но мы с матерью никогда не думали, что среди народа могут появиться такие противники революции. Да, мать?.. Это те глупцы, которые считали: раз революция произошла, значит, сразу все будет хорошо. Все будут получать одинаково. И бедных не будет, и богатых тоже. А социализм построить оказалось не так уж просто.

Война оставила сожженные дома в городах и мертвый скот в деревнях. Враги оставили нам одно горе. Они убили наших близких: Мухаммеда Абдоша, Хаджи Хасана, Халифа...

— Отец, — спросил Ибрагим, — что ты слышал до революции о ее вожде — Менгисту Хайле Мариаме?

— Ничего. Все узнали о нем только после 73-го года. Он тоже из бедной семьи. Мы считаем, что его родила революция...

Тут в дом вошел гость и поклонился с порога хозяевам. Это был Абас Хаджи. Ибрагим учился с ним в начальной школе. Но потом Абас по состоянию здоровья не смог учиться дальше и остался в городе. Они обнялись. Ибрагим посадил гостя за стол.

— Чем занимаешься, Абас?

— Шью мужские костюмы.

— Он председатель городской ассоциации портных, — объяснил отец. — Недавно они бесплатно послали одежду тем людям, которые пострадали от войны.

— И деньги, — добавил Абас. — Жители Харара хотят, чтобы вы выступили на собрании, Ибрагим, — сказал гость.

— А по какому поводу собрание?

— По поводу экономической и культурной кампании. Надо объяснить людям, на что направлена эта кампания и что будет, если она успешно кончится.

Сначала со сцены выступал председатель кебеле. А вслед за ним каждый человек мог высказать свое мнение. Потом меня попросили рассказать, как люди живут в Советском Союзе. И как живут эфиопские студенты. Во времена императора для европейцев в Эфиопии все было отдельно. Даже места отдыха. Поэтому меня спросили: а живем мы вместе в общежитии? А кушаем вместе? А учимся?.. И еще их очень интересовал транспорт: сколько мы платим? И, конечно, они никак не могли поверить мне, что за пять копеек человек может проехать всю Москву. Никак я не мог убедить их. Потом, когда объяснил, что все это принадлежит народу, вот тогда они поняли... Спросили, почему еще врачей не посылают в Эфиопию. У нас здесь в основном врачи советские и кубинские. Но их не хватает. До сих пор еще не все могут лечиться... Спросили о тракторе: «Все ли кооперативы в Советском Союзе имеют трактор?»

Некоторые вопросы казались Ибрагиму просто смешными. Но он не смеялся. Ибо чем мудрее становится человек, тем реже он смеется над другими, а чаще — над собой.

Он обещал им на собрании, что закончит в Москве аспирантуру и вернется работать домой.

У каждого человека есть обязательства перед страной. Потому что она его воспитывала и растила. Но об этом почему-то лучше помнят простые люди, которые никогда не учились, а только платили за это. А дети из богатых семей учились за их счет. Так получается?..

Богатые всегда одевались как в Европе: по самой последней моде. Сегодня, например, в таком костюме ходят в Париже и в Лондоне — завтра уже в Аддис-Абебе. А бедные носят национальную одежду и живут в национальных домах из камня. В этих домах одна комната разделена тремя перегородками на три: гостиную, спальню, кладовую. И у нас было то же самое. Только недавно брату в доме построили маленькую комнату, чтобы он там занимался и ему никто не мешал. Правда, сейчас он больше играет в футбол. Но я его понимаю: брата пригласили в сборную района — теперь он не может позорить семью.

О будущем своем брат говорить стесняется: рано еще. Но Ибрагиму сказал, что хочет стать инженером. А сестра — врачом.

Потому что во время агрессии и вообще, когда была тяжелая жизнь, она видела много раненых и больных. Им всем нужно было помочь, а врачей не хватало.

Между прочим, Ибрагиму большие и малые изменения, происходящие в стране, понятней даже, чем его сверстнику-эфиопу, который никуда не выезжал из своей провинции ни до, ни после революции. И они его не удивляют — просто радуют.

Сейчас резко изменилась телевизионная программа. Раньше каждый вечер показывали развлекательные фильмы и даже развратные. А теперь — интервью с людьми революции и потом производство. После этого обычно национальные танцы (в Эфиопии сто народностей).

И еще помню, в детстве редко видел я людей с газетой на улице. Сегодня все читают газеты и книги. Кстати, только после революции появились три книги об Эфиопии на русском языке. Поэтому о своей истории я смог узнать подробности только в Москве, в читальном зале университета.

...Путешествие в детство закончилось. На городскую автостанцию провожали Ибрагима брат с сестрой. Он им подарил часы «Салют» (отцу — будильник, матери — ткань для платья). И вот теперь они смотрели на часы, качая недовольно головами: автобус опаздывал.

Наконец вдалеке, за деревьями, где-то в предгорьях, обозначилась в синем пространстве серая ленточка пыли над желтой дорогой. И через пять минут малиновый «икарус» со вздохом распахнул три двери... И закрыл.

— Возвращайся скорей! — крикнул брат Ибрагиму.

— Скоро вернусь! — крикнул брату Ибрагим.

А потом его скрыли горы — типичный ландшафт Эфиопии.

ПОЧТИ У ЭКВАТОРА

Михаил ДРОБЫШЕВ

Новогодний вечер. Слева огни порта Конакри — столицы Народно-Революционной Гвинейской Республики. С океана дует легкий ветерок, мы рады ему, потому что днем температура воздуха при высокой влажности чуть-чуть не доходит до плюс сорока, и на этом фоне сообщения Московского радио о сорокаградусном морозе воспринимаются как фантастичные. Мы — это делегация Советского комитета защиты мира, прибывшая в страну по приглашению гвинейских сторонников мира.

Вертолет отрывается от посадочной площадки и держит курс внутрь материка. С вертолета Гвинея воспринимается гораздо четче и определеннее, чем с самолета, который летит слишком высоко и быстро, или из автомобиля, который относительно тихоходен и приземлен. Сразу становится очевидным, что Гвинейская Республика состоит из двух почти полярно противоположных зон — прибрежной низменной полосы и гор. Горы вырастают вдруг перед окошком вертолета. К зеленому и голубому цветам все больше начинает примешиваться красный. Краснеют обрывы скал, бурым отливает вода в горных потоках, а когда мы приземляемся в городе Фрии, колеса вертолета поднимают желто-красную пыль. Это цвет бокситов — основного богатства Гвинеи. Фрия — один из центров бокситодобывающей промышленности страны. Он совсем молод, ему не более десятка лет. Здесь построен завод по производству глинозема. Он создан на паритетных началах гвинейским правительством и консорциумом западных компаний. В этих записках не место рас-

суждать о роли иностранного капитала в становлении хозяйства развивающихся стран. Ясно, что приток средств и технического опыта из развитых капиталистических стран осуществляется на условиях, максимально выгодных иностранным — в основном межнациональным — компаниям. Минимум затрат на единицу продукции, во что бы то ни стало — таков их лозунг. Не будь это так, наверное, не были бы такими мутными воды реки, на которой стоит завод во Фрии. Все отходы производства, «хвосты», использовать которые считается недостаточно прибыльным, безжалостно сбрасываются в реку...

Непродолжительное знакомство с заводом, осмотр маленького городка. Церемония закладки парка, посадка дерева советско-гвинейской дружбы.

Советско-гвинейская дружба уже пустила очень прочные корни на этой земле. В этом мы убедились на массовом митинге, состоявшемся во Фрии. Здесь приветствовали советских людей, поднимали сжатые в символическом рукопожатии руки, встречали танцем или в традиционной гвинейской манере чуть наклонялись вперед и слегка хлопали в ладоши. По-африкански темпераментно выкрикивали лозунги, призывавшие к борьбе с империализмом, колониализмом, расизмом, к единству прогрессивных сил. За всем этим чувствовалось осознанное или стихийное понимание того, что если сейчас гвинейцы в конечном счете могут принимать независимые решения перед лицом иностранного капитала, как бы силен он ни был, то в этом велика заслуга социалистических стран, велико значение их поддержки.

Под колесами наших автомашин раскручивается шоссе, ведущее от Конакри в Далабу — бывшую летнюю резиденцию французских губернаторов, горный курорт, отличающийся прохладным (по экваториальным меркам) климатом.

Далаба — рай земной для северянина в экваториальной Африке. Тут многое оказывается знакомым — есть даже сосны! Расположившись в африканской хижине, кстати электрифицированной, укладываюсь в удобную постель, гашу свет и тут вспоминаю, что забыл завести ручной будильник. Включаю свет и... По стенам комнаты удобно расположилась почти полная экспозиция энтомологического музея. На фоне выбеленной стены особенно пугающе выглядят пауки с размахом лап в 6—8 сантиметров. И тут приходят на ум две мысли. Первая — если местные жители уживаются со всеми этими страшилищами, значит, они не слишком опасны. Вторая — когда Н. И. Вавилов обнаружил в своей палатке полчища фаланг и скорпионов, он нашел чисто научное решение проблемы — вынес фонарь наружу. Опыту великого естествоиспытателя последовал и я: включил свет в соседней комнате, и до утра меня никто не беспокоил...

В первый же вечер пребывания в Гвинее мы посмотрели спектакль «Сунниата» национальной балетной труппы. Спектакль современный, но события, отраженные в нем, относятся к XIV веку. Профессиональный уровень исполнителей, насколько мы могли судить, превосходен. Представление смотрится с таким интересом, что им могли бы гордиться многие театры мира. Восхищаемся искусством африканских артистов, но не можем не вспомнить, что именно из-за племенной розни, о которой спектакль, у Западной Африки темное пятно на исторической репутации. Здесь за ром и стеклянные бусы князьки продавали в рабство первым колонизаторам не только пленных, но зачастую «под сурдинку» и собственных соплеменников. Впрочем, Западная Африка нанесла и ответный удар. В этом мы еще раз убедились, посетив Гвинею-Бисау.

Еще недавно эта земля буквально дымилась. Здесь шла ожесточенная война против колониализма. Сейчас о ней напоминает, пожалуй, лишь мавзолей одного из выдающихся и отважных борцов за освобождение Африки — Амилкара Кабрала. Это скромное сооружение находится на территории бывшего португальского колонизаторского форта в центре Бисау. И нельзя не почувствовать гордости, когда замечаешь, что солдаты, несущие у мавзолея почетный караул, вооружены советскими автоматами. Стоит привести сюда любителей рассуждать о «вмешательстве СССР в дела Африки». Им бы без обиняков разъяснили, что эти автоматы — символ той поддержки, которую Советский Союз оказывал и оказывает стране, вписавшей одну из самых ярких страниц в историю антиколониальных войн.

После пятиста лет хозяйничанья колонизаторов и одиннадцати лет освободительной войны республика начинает строительство новой жизни. Проблем, конечно, много. И самых разных. Одни рассчитаны на годы — достижение полной экономической независимости, например. Другие не терпят отлагательства: самообеспечение страны продуктами питания. Сейчас партия поставила задачу «осуществлять развитие начиная с деревни», а это значит, что в каждом районе составляются планы социально-экономического развития. Они включают в себя и переход к современным формам земледелия, и развитие здравоохранения, просвещения, коммунальных услуг. Переход сельского хозяйства на современную основу происходит комплексно. Партия и государство ведут разъяснительную работу, помогают семенами и инвентарем тем, кто возвращается в родные места, покинутые в страхе перед португальскими карателями в годы освободительной войны; поощряют создание кооперативов, готовят специалистов в государственных центрах сельскохозяйственного развития.

Национальная промышленность в стране только зарождается, и развитие ее идет с учетом местных условий. Многое делается для увеличения производства товаров первой необходимости, простейших сельскохозяйственных орудий и строительных материалов, словом, всего того, что нужно для улучшения условий жизни и труда.

Мой старинный приятель — журналист, побывавший в стране, когда она была еще «освобожденными районами Португальской Гвинеи», вспоминает о том, чему учили в то время в школе-интернате: «Близится час победы. И перед вами встанут большие задачи — на мирном фронте вы продолжите дело отцов и матерей, отдавших жизнь за будущее родины. Вам сейчас трудно. Но в России в первые годы после революции трудностей было несравненно больше. Народ преодолел их. И вот из таких же, как вы, детей свободное общество вырастило талантливых ученых, космонавтов, рабочих, крестьян. Это они помогают нам в нашей борьбе. Вы должны следовать их примеру и учиться, ибо скоро вам предстоит строить новую жизнь». Эта жизнь пришла. И вчерашние школьники «освобожденных районов» решают поставленные ею проблемы.

„ВЫ НОВЫЕ ЛЮДИ!"

Виталий БАБЕНКО,
спец. корр. «Вокруг света» — для «Ровесника»

„Парки и сады — достояние народа, и любой человек имеет полное право пользоваться каждым цветком, каждым уголком, каждой лужайкой, — но все это надо защищать» — такая надпись на фарси выведена на большом фанерном щите в одном из парков афганского города Пагмана. Надписи, быть может, месяц, может, пять, но никак не больше года: ровно год назад в Афганистане произошла Апрельская революция — наша делегация приехала в эту страну как раз на празднование первого ее юбилея, — и понятие «народное достояние» могло родиться здесь только после событий 27 апреля 1978-го.

Признаться, я не сразу охватил смысл слов «надо защищать» и лишь позже, когда внимательнее присмотрелся к событиям в стране и ее людям, понял: экология в данном тексте отходит на второй план, собственно охрана природы — дело в Афганистане пока еще будущего, а защищать достояние страны надо буквально — с оружием в руках.

...Пагман — небольшой городок к западу от Кабула, в получасе езды на машине. Основное назначение в летнее время — место отдыха столичных жителей. Основные достопримечательности — парк Тапа и Триумфальная арка, поставленная в честь завоевания страной независимости в ходе третьей англо-афганской войны в 1919 году. Наконец, основное зрелище — природа у подножия гор Пагман: множество садов, возделанные террасы полей на склонах, ручьи, низвергающиеся каскадами. Говорят, что Пагман — одно из самых зеленых мест в Афганистане.

Пожалуй, определенной цели у нас в Пагмане не было. Отдохнуть... Оценить «самое зеленое место»... Посмотреть концерт... Но именно здесь я поближе познакомился с молодыми афганцами — членами Народной организации молодежи Афганистана и в первую очередь с президентом НОМА Бабраком Шинвари.

Он встречал нас в аэропорту Кабула. Потом мы виделись в резиденции президиума НОМА, но времени для подробного разговора как-то не хватало. И только в парке Тапа выдался час, когда можно было не спеша побеседовать.

— Наша организация очень молодая, — начал Шинвари, — ее днем рождения мы считаем день Саурской революции [1]. И главнейшее сейчас — само понятие «организация». Надо разъяснять людям его смысл, а смысл этот многим пока недоступен, необходимо приучать их к организованным действиям.

Работать трудно: ведь нет никакого опыта. Вообще, идея объединения людей во имя каких-то целей для нас еще нова. До революции не было союзов молодежи. Внедрение в сознание молодых людей идеи **организации** — это пункт первый.

Второе: мы должны неустанно знакомить молодежь с идеологией рабочего класса, с марксизмом, — только тогда получится по-настоящему боевая, рабочая организация. (Со вкусом произносит каждый раз Бабрак Шинвари это слово.) Что такое народная революция? Что такое классовая борьба? Конечно, мы постигаем это на собственном опыте, но нам необходим и опыт, накопленный в книгах Маркса, Ленина, и практический опыт вашей Октябрьской революции. Мы учим молодых людей узнавать друзей нашей страны и всегда отличать врагов...

Пункт третий, — сказал он, и я сразу понял, что этот пункт последний — по интонации и по классической форме триады тезисов, которой так часто пользуются ораторы, стремясь к завершенности, — это борьба с неграмотностью. Может, вы не знаете, до революции у нас было 80 процентов неграмотных. В стране что-то около 15 миллионов населения, значит, более 12 миллионов не умели читать и писать, не имели представления о самых азах политики. Тысячи членов нашей организации отправляются добровольными учителями в школы, организуют курсы ликбеза. В этом смысле у НОМА хорошая база. Нас 250 тысяч, и подавляющее большинство — примерно четыре пятых — учащиеся: лицеисты, студенты... Если нужны цифры для справки, запишите: за год у нас открылось более 500 новых школ, около 18 тысяч курсов ликвидации неграмотности. В системе ликбеза занимаются примерно 800 тысяч рабочих и крестьян...

Когда Бабрак Шинвари заговорил о школах, я по прямой ассоциации подумал о том, что школам предшествует, — о детских садах. Вспомнил, какое значение придается в Афганистане детским учреждениям, чуть ли не в каждом номере «Кабул таймс» — правительственной газеты на английском языке — можно встретить сообщения об открытии нового детского сада, например, в Нангархарской долине, близ Джалалабада, или о торжественном основании детской библиотеки в кабульском парке Зарнигар — первой библиотеке такого рода, где собрано больше трех тысяч книг, где, помимо читального зала, есть комната аудиовизуальных средств, и все это открыто для маленьких посетителей ежедневно. А в первый же день свой в Кабуле из окна автобуса я увидел большую надпись крупными буквами на английском языке на фронтоне дома в центральной части города: «Department of Kindergartens» — «Департамент детских садов». Надпись была совсем свежая, и, конечно же, год назад в этом здании располагалось какое-то иное учреждение — какое именно, я так и не смог выяснить.

Детская проблема в Афганистане по-прежнему очень остра. Все еще

[1] *Апрельская революция называется в Афганистане Саурской: она произошла 7-го числа месяца саура 1357 года по мусульманскому календарю солнечной хиджры, что соответствует 27 апреля 1978 года. — Примеч. автора.*

высока смертность детей от болезней, меньшинство их посещают сады и школы. Дети скотоводов-кочевников с малых лет учатся не письму и счету, а уходу за скотом, искусству разбивания шатров, умению обходиться малым во время длительных кочевок. В Кабуле и других городах можно видеть школьников в форме лицеистов-подростков, стайки детсадовцев. Но тем не менее обыденнейшая картина — мальчишки, торгующие или прислуживающие в базарных лавках-дуканах; если в семье бедность, то каждый дееспособный мужчина на счету, пусть даже этому мужчине пять-семь лет от роду. Он должен заниматься делом, а дело в дукане найдется всегда: например, всучивать растерявшемуся прохожему гонконгские брелоки и открытки, продавать по баснословным ценам самодельные ножи, «самые прочные и надежные». Или просто подавать путнику прохладительные напитки, чашку чая, стакан питьевой воды, требуя за это заслуженный «бакшиш».

На окраине лужайки в парке Тапа, где мы разговаривали с Бабраком Шинвари, стояла акация, вся увешанная разноцветными тряпочками — красными, синими, зелеными. Было много полинялых лоскутков и немало совсем свежих, недавно повязанных, и колыхались на ветру несколько «модных» тряпиц с люрексом. Рядом с деревом из отвесной скальной стенки вытекала струйка воды, холодной и чистой. Такое часто можно видеть на обочинах дорог в Афганистане. Стоящие отдельно деревья, кустарники, даже просто врытые в землю шесты, с которых свисают обрывки разноцветной ткани, знаменуют собой священные места, что-то вроде молельных площадок мусульман. Сюда приходят крестьяне из окрестных селений, здесь останавливаются кочевники, чтобы добавить еще несколько лоскутков, а то и повесить тщательно зашитый мешочек с вложенной внутрь запиской — обращение к аллаху за помощью — и напиться из источника, но это только в тех местах, где с водой богато.

Я уже знал, как проходила в стране революция. Как в ночь на 26 апреля даудовская полиция арестовала Генерального секретаря ЦК Народно-демократической партии Афганистана Нур Мухаммеда Тараки; как его соратник Хафизулла Амин, будущий премьер-министр государства и министр иностранных дел, находившийся под домашним арестом, рассылал в войска приказы, а курьером был его собственный сын; как в 9 утра 27 апреля 1978 года в город вошли танки (подпольная работа в армии велась давно и скрупулезно), началась стрельба, после короткого сопротивления части, охранявшие президентский дворец, сдались, а в 7 вечера радио уже сообщило, что режим, так и не принесший стране демократии, пал и власть перешла в руки народа...

Об этом в Афганистане пишут много. Но мне хотелось поговорить со свидетелями тех событий, с теми, кто сам участвует в революционных преобразованиях, — с членами рождавшейся в те дни НОМА.

Рассказывает Мухаммед Исхак АКБАРИ, студент 4-го курса инженерного факультета Кабульского университета, 24 года.

— В тот день я сдавал экзамен. Закончил поздно, потом были еще дела в городе, а около 12 ночи, с 25 на 26 апреля, оказался в районе, где находится дом товарища Тараки. И увидел, что здание оцеплено полицией. Вскоре даудовские полицейские вывели его самого в наручниках. Я притаился и смотрел во все глаза. Трудно было не понять: начинаются важные события. Наутро университет гудел как улей. Общий тон разговоров: «Что-то будет?!» Конечно, не все одинаково восприняли случившееся. Нашлись пессимисты из числа студентов — в ту пору их было еще много. «Ну что может сделать ваша партия? — спрашивали. — Вас ведь всего-то несколько десятков тысяч». Понимаете, ничего определенного я таким отвечать не мог: сам в ту пору членом партии не был, состоял в сочувствующих. Говорил: «Что могут сделать? Вот придет партия к власти — увидите!» Сейчас, через год, каждому ясно, что подобные надежды были оправданны. В стране идет аграрная реформа, растет рабочий класс, идет война с неграмотностью. Что еще можно сказать о тех днях? 26 апреля нам, естественно, было не до занятий. Я поехал домой. Наша семья живет в Майдане, это город километрах в тридцати от Кабула. Видите ли, до революции я не имел права на общежитие, поэтому каждый день приходилось ездить из Майдана в университет и обратно. Почему не имел права? Наверное, потому, что мой отец не из богатых — крестьянин. Вот и в тот день мы с ним допоздна работали на земле. А к вечеру 27-го вернулся в Кабул и понял: свершилось. Стрельба уже прекратилась, на улицах массы народа, все смеются, поют, танцуют... По радио говорят новые, небывалые еще в истории Афганистана слова о том, что мы будем строить общество без эксплуатации человека человеком. Действительно, свершилось!..

И еще с одним человеком удалось мне познакомиться в тот день в парке Тапа города Пагмана. Поначалу казалось, что знакомство не состоится. Об Аббасе Хорушане мне говорили, что он скуп на слова, сдержан в проявлении эмоций и при первом знакомстве производит впечатление человека несколько замкнутого и сурового. И еще мне говорили, что он долго сидел в тюрьме, а его «тахаллёс» как нельзя верно говорит сам за себя. (Тахаллёс — это на фарси значит псевдоним, и его носят многие члены НОМА. Очень часто псевдоним указывает на местность, где родился тот или иной человек. Например, Бабрак Шинвари означает Бабрак из Шинвара. Но бывают тахаллёсы и смысловые. Хорушан переводится на русский язык как «неистовый».)

Итак, Аббас Неистовый. Молодой человек невысокого роста, постоянный прищур внимательных глаз выдает напряженную работу мысли. Однако слухи о неразговорчивости Аббаса оказались резко преувеличенными. Он внимательно выслушал все мои вопросы, заставив меня перечислить их разом, и тихим голосом начал отвечать — с подробностями и точными деталями.

Рассказывает Аббас ХОРУШАН, член Исполкома НОМА, 21 год.

— Я родился в Кабуле, но большую часть жизни прожил в провинции Баглан. Там же и вступил в НДПА, было мне тогда 13 лет. Так что мой партийный стаж уже 8 лет. Вас это удивляет? А я считаю, что такое в порядке вещей, главное, чтобы человек с о з р е л войти в революцию. Я горжусь, что был одним из первых членов партии в Баглане, одним из родоначальников местной организации. А когда я учился в 9-м классе лицея, меня избрали в провинциальный комитет НДПА. Ох, что же творилось дома, когда там узнали, что я вступил в партию! Родственники подняли оглушительный шум, называли меня «кафиром» — «неверным», грозили проклятиями и даже изгнанием. Но через четыре года уже и отец вступил в НДПА. Сейчас он вице-губернатор провинции. Были у меня свои «взаимоотношения» с полицией. Учился в Баглане, но меня выслали в провинцию Бамьян, пытался создать там партийную ячейку, снова высылка, опять-таки в Баглан, подальше от Кабула, на север. А в Баглане сильны были позиции маоистов. Так что приходилось привлекать людей на сторону НДПА и одновременно противодействовать влиянию «Шоалее джавид» и «Сорха» — так называются маоистские группировки. Что мы делали? Ну, скажем, устраивали собрания и митинги, сзывали на них народ, пропагандировали и агитировали, агитировали и пропагандировали — как еще сказать? В различных учреждениях возникали молодежные ячейки — тоже дело наших рук: постепенно рождалась НОМА. К моменту апрельских событий я переехал в Кабул... Да, вы спрашивали, чем я занимался в день восстания? Сражался на улицах с оружием в руках.

Аббас в упор посмотрел на меня и повторил:

— Сражался с врагами, и в руках у меня был автомат.

— Аббас, а правда, что вы долгое время пробыли в тюрьме? — спросил я.

— Нет-нет, — он явно смутился, и тут стало особенно заметно, как он молод. — Тот, кто вам это сказал, хотел, наверное, слегка меня приукрасить, хотя от таких «украшений» лучше держаться подальше. «Долгое время» исчисляется всего одним днем. Как-то я организовал демонстрацию в поддержку НДПА. Даудовская полиция узнала об этом, и меня скоренько арестовали. Демонстрация состоялась на следующий день, правда, как я после узнал, вышла она слабоватая. Однако одно из основных требований было: «выпустить Хорушана». Ну и... выпустили. Арест — пустяки. Сложности были в другом. Я учился в лицее — это что-то вроде общеобразовательной школы, но срок обучения 12 лет — и одновременно старался работать, зарабатывать на жизнь. Вот устроиться куда-нибудь мне и мешали: полиция прекрасно знала, кто я и что я...

В Пагмане стемнело. Затянулись туманной дымкой дальние зеленые склоны гор. Стали слышнее звуки потока, бурлившего внизу. Мы напились из горного источника и направились к выходу из парка, где нас ждали автобусы. Неподалеку от бывшей дачи бывшего президента я увидел еще один фанерный щит с надписью и попросил нашу переводчицу Наташу перевести мне текст.

Она прочитала его и улыбнулась.

— О! Это интересно. Слушай: «Вы — благородные люди! Не ломайте ветки, берегите деревья, не вытаптывайте лужайки. Вы новые люди новой страны!» По-моему, вполне может пригодиться для концовки репортажа, или я не права?

Наташа была права, и я решил закончить именно так.

Кабул — Москва

КАМПУЧИЯ, ГОД ПЕРВЫЙ

Михаил ОЗЕРОВ

...Худой мужчина с подвижным нервным лицом играет на фортепьяно и поет. Иногда он берет с табурета трубу или поворачивается к стоящему рядом барабану, один заменяя целый оркестр.

Этот мужчина — Мам Бутно Рей, единственный оставшийся в живых музыкант. И единственный уцелевший при полпотовском режиме композитор и поэт.

— Что-нибудь известно о судьбе ваших коллег? — спрашиваю я Мам Бутно Рея после окончания его выступления. Он отвечает медленно и словно бы нехотя:

— Известно немного и о немногих. Хак Сокана, виртуозного скрипача, задушили полпотовские палачи. Син Сисамут, один из лучших певцов страны, умер от голода. О других я пока ничего не знаю.

У меня нет оснований не верить услышанному, но такое не укладывается в сознании: на всю страну остался один музыкант, двадцать врачей (когда-то в Пномпене их было свыше четырехсот), несколько десятков учителей. Никакие материальные потери, никакие разрушения не могут сравниться с этим ущербом — беспричинно, бессмысленно уничтоженными полпотовской кликой людьми. Миллионами людей.

Странно видеть разрушенные или превращенные в тюрьмы, казармы, склады здания институтов, школ, библиотек. Но какими словами передать чувства, которые я испытывал, слушая рассказ учительницы Бун Нарим в одной из пномпеньских школ?!

— Солдаты бывшего режима сожгли учебники, изрубили топорами парты, и приходится заниматься за длинными столами, — рассказывала она. — Я тут пока в единственном числе.

— Одна учительница на полторы тысячи школьников?

— А что делать? — грустно разводит руками Бун Нарим и добавляет: — Сейчас в Пномпене действуют специальные преподавательские курсы, и месяца через три-четыре в нашу школу прибудет пополнение.

И от того, как спокойно, даже буднично, она это говорит, мне хочется склониться и поцеловать руку этой миниатюрной усталой женщине, чем-то помочь ей сейчас, сию минуту, как-то подбодрить, хотя я и понимаю, что бодрости, той скорбной бодрости, которая помогает преодолеть самые страшные испытания и начать все сначала, ей не занимать.

...Над эстрадой красное полотнище со словами: «Да здравствует социалистическая Кампучия!» Вокруг — сотни людей. Звучит музыка, ритмичная и веселая. Эстраду охраняют бойцы народной армии: враг может попытаться сорвать концерт — первое после победы представление для жителей столицы.

— Теперь ламтхонг, — объявляет Мам Бутно Рей.

В плавном национальном танце, похожем на наш хоровод, по традиции принимают участие и артисты и зрители — так здесь заполняются паузы между выступлениями. На эстраду забрались даже двух-трехлетние ребятишки, старательно повторяя замысловатые движения рук взрослых — основу танца ламтхонг. Худой старик в черном тюрбане, опиравшийся на палку, тоже не выдержал. Поставив свой посох у дерева, он с помощью бойцов поднялся на подмостки и, прихрамывая, присоединился к танцующим.

И вот в глазах танцующих людей, пока еще грустных, все чаще и чаще вспыхивают искорки радости — кончился кошмар, нет больше страха, впереди будущее, полное надежд, впереди жизнь. Кампучийцы слишком хорошо знают цену этому слову — «жизнь».

Движения многих из тех, кто поднялся на эстраду, угловаты, неуверенны, скованны, ведь почти четыре года танцевать в стране запрещалось. И отдыхать тоже запрещалось. И может быть, поэтому на лицах танцующих радостное удивление. Вот так запросто можно прийти на концерт и даже принять в нем участие. Возможно ли было мечтать о таком еще несколько месяцев назад?! Об этих песнях. Об этом древнем и неумирающем, как сам народ, танце ламтхонг под красным полотнищем со словами: «Да здравствует социалистическая Кампучия!» Как много им предстоит сделать, чтобы эти слова стали действительностью. Да что там — «много»! После освобождения Кампучии все пришлось начинать заново. До приезда в Кампучию мне было трудно представить масштабы того, что надо сделать. Это нужно было увидеть. Увидеть собственными глазами!

Мне вспомнился тот первый день, когда я ступил на освобожденную кампучийскую землю. Нам повезло — мы приехали туда в канун традиционного кампучийского праздника Нового года, который здесь встречают в середине апреля. Кампучийцы в этот раз встречали Новый год впервые после четырех страшных лет.

Наш «джип» покинул рано утром город Хошимин. Мчимся по шоссе, вдоль которого колышется море нежно-зеленых рисовых кустиков. Потом начинаются плантации гевеи: ровными рядами посажены тонкие деревья, их светлые стволы немного напоминают наши березы. Густой сок, по-научному латекс, который получают из коры гевеи, идет на производство каучука.

Часа через два впереди появляется шлагбаум, возле него солдаты. По одну сторону развевается на ветру флаг Социалистической Республики Вьетнам, по другую — Народной Республики Кампучии: красное полотнище, на котором изображены контуры башен храма Ангкор Ват — изумительного творения талантливых кхмерских зодчих прошлого.

Но и без шлагбаума не ошибешься, где проходит граница. На вьетнамской территории зеленеют поля, то и дело на пути встречаются стада буйволов, деревеньки, кипит жизнь. А по другую сторону границы поля и деревни безжизненны. Полпотовские власти изгнали отсюда население, считая его настроенным провьетнамски. И тем не менее первые вернувшиеся домой жители здесь тоже отмечают праздник.

Останавливаемся у небольшой деревеньки, идем к крайнему дому. Хижина вроде избушки на курьих ножках из русских сказок: стоит на высоких сваях. Так построены в Кампучии почти все «пайотты» — крестьянские домики. Для чего? Во-первых, чтобы защитить жилища от наводнения. Во-вторых, предохранить от сырости. И кроме того, хижину на сваях лучше продувает ветер в жаркий день, да и для тигров и кабанов она недоступна.

Хозяин приветливо улыбается, крепко жмет руку. В доме дымятся ароматные палочки. На стенах разноцветные бумажные фонарики — примета Нового года.

Куок Ронай показался мне стариком: лицо изрезано глубокими морщинами, руки трясутся. Но ему всего тридцать девять. А постарел он за один день, точнее, за одно утро: на его глазах полпотовцы повесили жену и двоих детей. С самим Ронаем, младшим сыном и дочкой обещали расправиться «в следующий раз».

— Извините, мне нечем угостить вас, — удрученно разводит руками хозяин. — У нас «дун тиэ» и того нет.

В немногих семьях в те новогодние дни на столе стоял «дун тиэ» — новогодний пирог из риса и кокосового ореха, обернутый в листья бананового дерева. Риса пока не хватает. Но если бы только от этой традиции пришлось отказаться!

Единственный обычай соблюдался неукоснительно: в эти дни никто ничего не покупал и не продавал. Да и не мог никто нарушить его. Потому что бывший режим отменил деньги, теперь их еще не успели ввести в обращение. И вообще, что можно купить в опустошенной, разграбленной стране?

Да, праздничного стола в хижине нет. Ни рыбы, ни традиционного рыбного соуса, ни вареных овощей, ни папайи, короче говоря, всего того, что кхмерские хозяйки обязательно готовили к Новому году.

В Новый год, гласит поверье, надо прекратить ссоры, забыть о насилии, даже животных запрещено убивать. Тем не менее остатки полпотовских банд устроили в праздник кровавую резню неподалеку от кампучийско-таиландской границы: в двух деревнях не уцелел ни один житель!

И все же кхмеры встретили Новый год в приподнятом настроении — ведь их почти четырехлетнее «хождение по мукам» окончено. В праздник тысячи людей после долгой разлуки вновь собрались среди своих близких. Во многих домах зажглись лампочки, пошла вода, появились кастрюли и чашки — даже они пропали после того, как полпотовцы «обобществили утварь».

Вечером вместе с хозяином хижины и его детьми

мы отправляемся на новогоднее празднество. Куок Ронай надевает на руку часы. Он зарыл их в семьдесят пятом (полпотовцы запрещали носить часы), а теперь выкопал. Неважно, что часы не ходят. Ронай снова чувствует себя не загнанным зверем, а человеком!

В центре деревни собрались все жители. В руках у них ароматичные палочки, свечи, бумажные флажки. Кого-то ждут. И вдруг оживление. Все обступают парня и девушку. Парень в белой рубашке с длинными рукавами (как ему не жарко?), на девушке белая блузка. Оба в саронгах [1]. Жители рассматривают их одежду, старики удовлетворенно цокают языками. В этом тоже примета сегодняшнего дня. Ведь в полпотовской Кампучии всем полагалось носить только черную рубаху и черные штаны. Девушку радостно обнимают, юношу хлопают по плечу. Оказывается, они были женихом и невестой, собирались пожениться. Полпотовцы разлучили их. Юношу насильно пытались женить, однако он отказался, ему пришлось бежать из деревни, иначе бы его казнили. Он присоединился к партизанам. Когда пришла победа, оба вернулись домой. И сегодня, в новогоднюю ночь, у них свадьба.

Жизнь возвращается на кампучийскую землю. Медленно, но возвращается.

Увеличивается число жителей в столице. В момент освобождения в ней насчитывалось двести-триста (!) человек, а до прихода к власти клики Пол Пота — Иенг Сари в Пномпене было почти два миллиона жителей. Теперь — десятки тысяч. И все же город кажется пустым. Проблема заселения городов в Кампучии — одна из важнейших. Во-первых, кем заселять? Бывший режим травил интеллигенцию, намеренно уничтожал городское население, чтобы сделать всех кампучийцев крестьянами. И в живых осталось немного горожан. Во-вторых, властям столицы (и других городов) предстоит решить очень трудные задачи — обеспечить продовольствием первых жителей, дать им работу, наладить снабжение водой, привести город в порядок, обеспечить в нем полную безопасность. И сделано уже многое. С продовольствием пока тяжело, но от голода уже никто не умирает. Каждый получил от новой власти по сорок килограммов риса до нового урожая, налажено снабжение населения фруктами, рыбой. Распределяется одежда, мыло. Пожилая женщина, с которой я разговорился на улице, раскрыла сумку и показала кусочек мыла.

— Мы забыли, как оно выглядит, — сказала она.

При режиме Пол Пота — Иенг Сари пользоваться мылом было запрещено.

— Откуда поступают продукты, товары? — спросил я.

— Частично из запасов бывших полпотовских войск. Немало посылок приходит из Вьетнама, где развернулось движение по оказанию помощи братскому кампучийскому народу. В аэропорту Почентонг регулярно приземляются самолеты из Советского Союза, других социалистических стран, они доставляют консервы, сахар, лекарства, ткани.

Да, жизнь возвращается в Пномпень. Уже дают продукцию текстильный комбинат, некоторые другие предприятия.

У улиц прежние названия. Одна из самых широких и красивых магистралей, вся в тропической растительности, деревьях, ярких цветах, снова называется бульваром Советского Союза. Здесь над зданием политехнического института, построенного с помощью СССР, реет красное знамя свободной Кампучии.

Красный флаг поднят и над первым кинотеатром, открывшимся в Пномпене. Кинотеатр украшен электрическими лампочками, у кассы длинная очередь. Демонстрируется документальный фильм об освобождении, снятый кампучийскими и вьетнамскими кинематографистами.

Во многих провинциях появились первые рабочие на плантациях гевеи. Ее начали культивировать в Кампучии сравнительно недавно, в начале 20-х годов, и скоро появились богатейшие плантации каучуконосов. До 1970 года почти сорок процентов дохода от экспорта страны приходилось на каучук. Но затем «поработала» американская авиация — нанесла по плантациям напалмовые удары. Еще более жестокие удары этой ценной породе дерева нанес полпотовский режим: при нем сжигались деревья, разрушались фабрики по переработке латекса. Теперь за восстановлением этой отрасли промышленности следит специально созданный комитет.

...Зрители танцуют ламтхонг самозабвенно, страстно. Затем снова следует выступление. Маленький человек читает веселые стихи, рассказывает забавные истории. И все громко, от души смеются.

А я продолжаю беседовать с Мам Бутно Реем. Он сидит на траве бледный, усталый.

— Я очень волновался — давно не выступал перед зрителями, — признается Рей. — И, честно сказать, не рассчитывал на успех. При Пол Поте я работал дровосеком — пальцы огрубели, не слушались. По ночам я делал специальные упражнения. И тихо, шепотом пел.

— Полпотовцы так и не узнали, кто вы?

— Конечно, нет, иначе мы бы с вами сейчас не разговаривали.

— Но вы были широко известны и до семьдесят пятого года.

— Видимо, невежды из охранки не слышали ни обо мне, ни о моих произведениях. Они поверили, что я столяр из Пурсата.

— Какие у вас планы?

— Народная власть обеспечивает меня едой, одеждой. Мне помогли раздобыть музыкальные инструменты. Нашли и бумагу, а это было непросто. В общем, у меня есть все, что нужно для работы, и, главное, стремление работать. Буду писать музыку, нужную моему народу. И стихи тоже. Необходимо сделать все, чтобы возродить нашу национальную культуру, которую мы сумели пронести через столетия чужеземного господства. Наш народ талантлив, и я убежден: появятся новые замечательные литераторы. Я недавно разговорился с бойцом по имени О Май, он написал превосходное стихотворение. Мне запомнились последние строки: «Мать учит своих детей, отец учит своих детей — помните о страданиях вашего народа. Отныне и навсегда Кампучия будет свободна». Мы планируем издать антологию произведений наших писателей и поэтов и включить в нее стихи О Мая. Кроме того, я возглавляю комиссию по розыску книг, которые не были уничтожены, пытаюсь что-то сделать для возрождения нашего национального театра.

Наш разговор прерывают громкие аплодисменты — концерт окончен. И хотя представление продолжалось меньше часа и в нем участвовало лишь два человека, зрители все равно довольны.

Француз Франсуа Поншо, долго живший в Кампучии и хорошо знающий эту страну, выпустил после прихода к власти клики Пол Пота — Иенг Сари книгу «Кампучия — нулевой год». Ныне в календаре истории государства на Индокитайском полуострове начался новый отсчет времени. Идет год первый.

Пномпень — Москва

---

[1] *Национальная кхмерская одежда, которую носят мужчины и женщины, — кусок материи, обернутый вокруг пояса в виде длинной, по щиколотку, юбки. — Примеч. автора.*

ГДР: ЖИВОПИСЬ, ПОЭЗИЯ, ПРОЗА

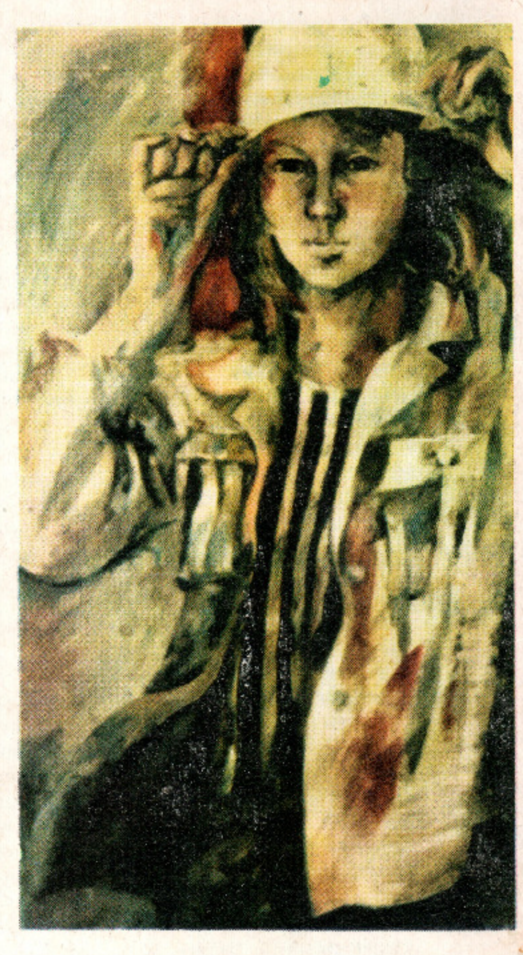
Пройдет совсем немного времени после того, как ты, читатель, возьмешь в руки этот номер журнала, и весь наш народ вместе с народом Германской Демократической Республики, с сотнями и сотнями тысяч твоих сверстников, членов Союза свободной немецкой молодежи, торжественно отметит славный юбилей: 30-ю годовщину со дня основания ГДР. Одним из первых шагов молодой республики наряду с самыми необходимыми — снабжением хлебом, водой, электроэнергией — был выпуск новых учебников и книг — ведь предстояло воспитывать новое поколение немцев, которым идеология прошлого была чужда и омерзительна.

Создание новой культуры — это один из краеугольных камней формирования новой, социалистической нации. Однако было бы ошибкой понимать дело так, будто начинать приходилось на голом месте. Нет, новое государство могло опереться на богатейший опыт — творческий и боевой — тех мастеров культуры, которые всегда были с трудовым народом Германии.

Достаточно назвать имена Бехера, Бределя, Зегерс, Леа и Ганса Грундигов, Эйслера, Дессау, чтобы понять, кто стал первыми учителями подрастающего поколения немецкой творческой интеллигенции и какую школу непримиримой борьбы за победу правого дела эти учителя прошли сами.

Всего тридцать лет. Или целых тридцать лет? Как сказать лучше, когда говоришь об искусстве, достижения которого известны во всем мире? Бескомпромиссный расчет с тяжелым прошлым своей родины, антивоенная, антифашистская тематика художников и писателей ГДР, произведения о коллективизации, строительстве промышленности и нового уклада жизни, выражении чувства пролетарского интернационализма и братской солидарности — вот те главные направления в искусстве ГДР, которые впервые в истории дали народу полное право сказать: это искусство — наше!

На этих страницах мы знакомим читателей «Ровесника» с произведениями проникнутыми теплом любви к человеку, восхищением его творческими силами: картинами Барбары Мюллер «Ирэна, ученица на стройке», Дитера Бока «Перспективы», Курта Роббеля «Рабочий верфи» — все эти вещи рассказывают о рабочем классе республики, — рассказами К. Г. Рёрихта, М. Нойман, стихотворениями Карла Микеля и Роланда Эрба.

ГОРА БОЛЬШОГО ДОТА

Карл МИКЕЛЬ,
лауреат Национальной премии ГДР

...На главной площади города, окруженный пышнолистными липами, стоит бронзовый памятник Ленину — подарок друзей из Страны Советов.

Долговременная огневая точка:
серый бетон, скелет арматуры;
в бетоне прорезаны щели-глаза — амбразуры;
метровые стены у странного серого здания,
снаряда любого им нипочем попадание.
Война этот дот обошла далеко стороной.
И все же он умер — умер вместе с войной.
Сырость, безмолвие; мрак и крыс легион —
Отныне у мертвого дота таков гарнизон.

Мирно высокое небо. Тенью скользят облака.
И тишина над землей безмятежна и глубока.
Щедрое солнце согрело землю и дота бетон.
Как же под мирным небом нелеп и уродлив он!
Взорвать бы его, и точка.
Да слишком велик он и прочен.
Принято было решение: землею засыпать дот.
И вот над бетонным уродом гора вырастает, растет...

Шло время. Земля залечила следы минувшей войны,
И серые щеки дота теперь уже не видны.
Сколь же добра к людям мирная наша земля:
Над могилой урода-дота трава, кусты, тополя.
Петляют, вьются тропинки на склонах новой горы.
Юноша девчонке здесь о любви говорит.
Но память о днях минувших не умерла, живет —
Смотрите, мальчишка палку, словно винтовку, берет.
Но это пройдет, пройдет. Являя свою отвагу,
«Сражаться» он станет шпагой...

Густеют синие тени над городом и горой.
Покой и счастье на сердце синеют этой порой.
Над городом и горою — закатная полоса.
Сон теплой ладонью смыкает уставшие наши глаза.

ПОЭТ

Роланд ЭРБ

Ушел поэт туда, где только мрак.
Ушел, последнюю строку не дописав.
Но кто сказал, что мы лишь тлен и прах
И на бессмертье не имеем прав!

Ушел поэт? Да вот же он, взгляни
В его глаза, коснись его плеча.
Ты слышишь — песнь знакомая звенит.
Она, как кровь живая, горяча.

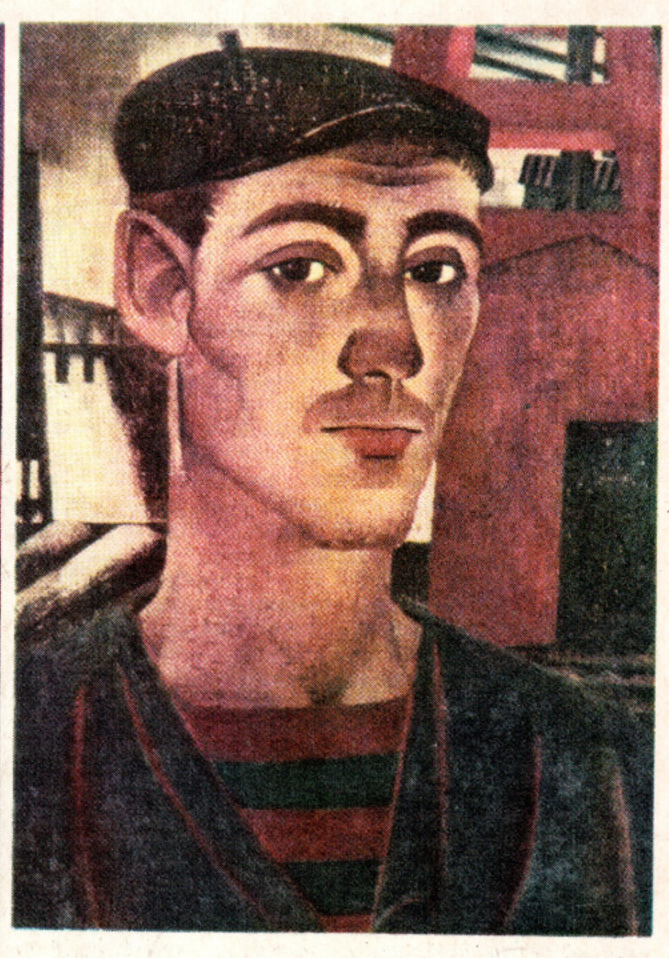
В ней гимн любви, и гул жестоких битв,
И боли стон, и ликованья медь.
Поэт ушел. Но разве он забыт!
Над памятью людской бессильна смерть.

Хосе Марти, Вальехо — сколько их,
Что факелом несли пред нами стих...
Горит тот факел, и упасть не может он —
Однажды вспыхнув, навсегда зажжен.

Перевел с немецкого Ю. ГРИБАЧЕВ

ЗЕРНО ВСЕХ ЗЕРЕН

Карл Герман РЕРИХТ

С самого детства Альфонс придерживался мнения, что все живое появилось не из яйца, а из зерна. Вопреки научным теориям того времени, доказывавшим, что флора и фауна развивались одновременно, родившись из праклетки или праяйца, он упорствовал в своем заблуждении, говоря: сперва из празерна произошла флора и лишь много позже — фауна, а вместе с ней, как вершина творения, и человекоподобная обезьяна. А чуть позже и человек, как выражался он...

С самого детства... Нет, мы должны были бы начать так: все еще дитя, хотя и взрослея постепенно, Альфонс сохранял ту способность к озорству, из-за которого одним дети кажутся несносными, а другим прелестными. Его образование было бесконечной цепью случайностей, хотя он в них не верил с тех самых пор, когда решил, будто открыл теорию неизбежности случайностей — ошибочную, как и многие другие теории Альфонса.

Для объяснений он прибегал к замысловатым притчам, сравнивая жизнь с полем, виды — с колосьями, а особи с зернами. Помол у каждого свой, говаривал он, и просеивают и провеивают каждого тоже на свой лад. А потом уже серьезно добавлял, что мельчайшие кирпичики атомов, нейтроны, — это своеобразные электрические зерна. Физики только посмеивались.

Иногда он говорил своим современникам, с которыми его связывала скорее снисходительная любовь, чем нежность: «Обратитесь к солнцу, как дети, протягивающие к нему ладошки, и на вас не только ляжет его мягкий красноватый свет, вы почувствуете и те бесчисленные зерна, из которых состоите, потому что даже самое малое зернышко повернется к солнцу».

Всерьез ли говорил это Альфонс? Может быть, это был особый вид хитроумных шуток? Как знать. Но, возможно, у него шутка переплеталась с серьезностью, как и у многих людей, которые по причине своей сверхчувствительности страдают слабыми нервами и закрывают уши всякий раз, едва заслышат грохот глупостей.

Конечно, Альфонс собирал всевозможные зерна. А как же иначе? В его просторной квартире стояло много шкафов с ящиками и коробочками, в которых он держал самые разные зерна; семена сотен и тысяч сорняков, разгуливающих по полям и лугам, хотя их никто не звал, — но зачем-то они все же нужны? Зерна плодов шиповника и огромного числа роз — диких, тропических, садовых, искусственно выращенных. Зерна других цветов и полезных растений. Зерна плодовых деревьев, которые он особенно любил; овощей, ядовитых и целебных трав. Но собирал он и чуть маслянистые зерна городской пыли, и пылинки с дорог многих стран, влажноватые или, как на его родине, сухие; несть числа погребам горожан, откуда он выгребал зерна угля, а рядом с ними лежали — как бы в беспорядке — зерна тыкв и огурцов из самых разных уголков земли; зерна стекла, спадающие каплями у стеклодувов и застывающие на полу; в больших холодильниках он держал зерна града, выпадавшего в Голландии, Северной Италии и Гренландии, от мельчайших до огромного размера; зерна камней и гальки вулканического и иного происхождения, черные зерна с пляжей Белого и белые с пляжей Черного моря. И боже мой, сколько зерен останутся здесь непоименованными!

Незачем и говорить, какая огромная исследовательская работа сопровождала его страсть собирателя. Словом, он проштудировал толстенные тома и сам написал несколько книг о зернах. Увы, они не нашли издателей. Высмеяли и его величайшее открытие: вся-

кое зерно должно быть округлым, может иметь незначительные грани и острия, но никогда форму кубика.

На жизнь Альфонсу требовались деньги. Надежда заработать на знаниях о зернах и продаже зерен поблекла, как ленточка от платья с первого бала. Пришлось искать работу. Он нашел ее в специальной школе по обучению старомодному стихосложению.

Образованным людям того времени наскучило читать ремесленнически сработанные свободные ритмы писателей-профессионалов, и они решили вновь изучать и преподавать старые формы поэзии. В то время он собрал много прекрасных зерен-пылинок, круживших в его комнате привратника.

Времени у него было вдоволь, и он мог сколько душе угодно наблюдать, как зерна танцуют в воздухе, как они, обручившись, тяжелеют и вынуждены постепенно опускаться и садиться. Иногда он, избалованный полнейшим покоем, начинал озорничать до такой степени, что сравнивал с зерном... солнце. Оно зерно жизни, сказал он директору школы, а посему находится в середине голубого мирового яблока, которое висит на древе бесконечности. За это сравнение он был произведен в главные интенданты гусиных перьев.

Дело в том, что стихи классического размера не позволялось писать обыкновенными стальными или золотыми перьями, сталь которых была из жести, а золото из латуни. Их нужно было писать гусиным пером, от руки, и никак иначе. А крестьяне почти перестали разводить эту белую или крапчатую птицу, изменив им ради уток, откармливать которых дешевле. Так что в гусиных перьях ощущался недостаток, а пользоваться вместо них утиными возбранялось. Альфонсу приходилось подолгу искать.

Теперь он мог в рабочее время разъезжать по окрестностям в поисках своих толстых пернатых. Если с хозяевами удавалось договориться — полный порядок, но, если они не желали продавать этих сделавшихся редкостью птиц из особой любви к ним или из упрямства, возникали трудности, и Альфонсу приходилось тайком вырывать у горлопанящих гусей перья для воспитанников школы поэтического мастерства.

Заметим между прочим, что Альфонс обращал внимание и на разного рода деревенские зерна. И возвращался из поездок с такой богатой добычей, что мог себе позволить избавляться от менее совершенных экземпляров из своей коллекции, отпуская их на волю; более того, с годами он делался все разборчивее и разборчивее, иногда его посещало даже искушение освободить целые шкафы, в которых он находил зерна бесполезные и ненужные.

Он искал нечто особенное: сверхзерно, зерно всех зерен, семя «времен и вечности», как он его называл. О Альфонс, седовласое дитя! Ты, вечно склонный к преувеличениям! И тем не менее милый нашему сердцу!

Как интенданту гусиных перьев ему вменялось в обязанность чинить их при помощи перочинного ножа из тончайшей стали с серебряной рукояткой, украшенной большой буквой О, древним О, выражающим восхищение и преклонение. А после работы он отдыхал в своей комнате.

Наверху, на втором и третьем этажах школы, ее добровольные воспитанники корпели над сонетами и терцинами, которые они писали гусиными перьями. Не всегда их ожидала удача, потому что родить такие стихи безмерно труднее, нежели расхожие незарифмованные ритмы, являющиеся просто переодетой прозой и к поэзии вряд ли имеющие отношение.

Однажды случилось вот что: в школе появилась десятилетняя девочка по имени Жозефина. Вообще говоря, делать ей здесь было нечего, и она просто-напросто пришла вместе с изучающим старинное стихосложение отцом. Взяв без спросу лист бумаги ручной выделки и заостренное гусиное перо, она обмакнула его в чернила и, прежде чем отец успел крикнуть: «Не смей!», написала неуверенной рукой наискосок через весь лист: «Пришли на кухню дерева и выкрасили все зеленым!» Пока она писала, кончик пера щекотал ей глаз. Отец ругал Жозефину за испорченную бумагу, а в это время незаметно для остальных из повлажневшего уголка глаза на бумагу упало зернышко мечты.

Об остальных уроках умолчим. Вечером, когда трудолюбивые воспитанники школы разошлись по домам, Альфонс поднялся в кабинеты, чтобы опустошить переполненные донельзя корзины для бумаг. Может, в тот день заболела уборщица или то было одним из необъяснимых темных побуждений, зовущих нас к неожиданным действиям, но он взял в руки тряпку и начал вытирать столы.

Наметанным взглядом, привыкшим замечать любое зернышко, отметил маленькую песчинку на столе. Он сразу осознал ценность этого крохотного сверхзерна. И вполне прозаично пробормотал: «Теперь я могу вышвырнуть все остальные!»

Оно рождается неожиданно и является на свет не замеченное большинством живущих, где-то между поэзией и открытием, между явью и мечтой, между разумом и чувством, между долгом и игрой — вот где оно рождается, зернышко мудрости!

ПИСЬМО К АННЕ

Маргарета НОЙМАН

Несколько дней назад я, не раздумывая, ответила бы «да». А сегодня письмо лежит закладкой в «Анне Карениной», и мне даже не хочется открыть книгу и продолжать чтение.

Конечно, я могла бы не отвечать на вопрос Анны. Могла бы рассказать о нашей жизни, о нашей маленькой квартире или, еще лучше, обо всем нашем новом доме. Могла бы послать фотокарточку Ютты, описать, как она уже подтягивается на пальцах, если ей их протянуть, как она верещит от радости, когда ей удается самой сесть. Могла бы рассказать о докторе Петцольде и сестре Кларе, вообще о нашей детской консультации, о шутках Ульрики. Но она все равно прочла бы между строк, о чем я умолчала.

Нет, нельзя обойти ее вопрос молчанием.

...Мы лежали тогда под вишней, то было незадолго до выпускных экзаменов в двенадцатом классе. Слушали записанные на магнитофоне иностранные слова, поправляли произношение друг у друга и вдруг заговорили о Юргене. Он к тому времени проучился в нашем классе всего полгода, потому что приехал с родителями из другого города, но все наши девчонки были от него без ума.

Анна спросила, щурясь на солнце:

— Ты думаешь, у вас с Юргеном все так и останется?

У нас не было тайн друг от друга. Анна знала, что мы с Юргеном часто гуляем, музицируем вместе — он на флейте, я на скрипке. Знала она и то, что мы решили не расставаться и в будущем.

Размышляя над ответом, я спрашивала себя: а почему, собственно, я? Почему он выбрал именно меня? За долгие годы школьной дружбы я хорошо узнала Анну, всегда спокойную, выдержанную, готовую прийти на помощь, милую и отзывчивую; что по сравнению с ней я — вспыльчивая, обидчивая, необязательная? Она лежала рядом со мной, подперев голову ладонями, светлые волосы сползали ей на лоб. Я подумала: удивительно, что он подружился со мной, а не с ней. Мне даже стало стыдно: а не задираю ли я нос?

Да, я гордилась дружбой с Юргеном, она словно бы

возвышала меня. Я старалась теперь и в школе, и на занятиях музыкой, и на посевной, и в школьной мастерской. Мне хотелось стать такой, чтобы я от него не отставала и ему не пришлось бы меня стесняться. А потом, года через полтора, он рассказал мне, что и с ним было то же.

Вслух я сказала:

— Так и останется, говоришь? Конечно, нет. Ведь это только начало. У нас все впереди.

Анна ответила:

— Хорошо. Ты говоришь — впереди. А потом? Будет ли это счастьем? Есть ли оно, счастье? И какое оно?

Она села и, глядя на меня своими темно-карими глазами, продолжала:

— Ты пойми, ведь мы же первое поколение, которое может говорить об этом всерьез. Те, что жили до нас, жили больше надеждами. Возьми мою мать. Какое-то время она еще надеялась. Год или даже меньше. Она надеялась на счастье и тем уже счастлива была — только недолго, я тебе уже говорила. А потом человек, на которого она надеялась, пропал, как в воду канул. Новой попытки устроить свою жизнь мать не делала. Первое время она думала: может быть, он хоть в магазине их появится: как-никак это единственный обувной магазин в этом городке. Когда хозяин увидел, что она ждет ребенка, ее уволили. Она нанималась к людям постирать белье и лет с полутора брала меня с собой: не на кого было оставить. Помню, как я взбивала радужную пенную воду, которую она сливала. Мама быстро состарилась...

Я думала: а мои родители? У них и домик свой, и достаток неплохой. Но разве у них было больше, чем надежда на счастье?

...Тогда я была совсем маленькая. Проснулась я ночью оттого, что услышала, как мать плачет. Услышала голос отца, пытавшегося ее успокоить. Голос был какой-то хриплый, незнакомый. Я до тех пор и представить не могла, что взрослые умеют плакать. Моя мать сказала:

— Не можешь же ты вот так просто встать и уйти. Надо что-то сделать! Они не смеют нас разлучать! Не может у них быть такого права...

Отец успокаивал ее, говорил, что вернется, но она ему не верила и плакала, плакала...

— Пойми, мне пора, — сказал отец. — Не то я опоздаю. А опаздывать... я не могу. Тут дело дрянь. Если я не пойду, они пришлют за мной полевую жандармерию.

Отец включил свет, оделся. Уходя, склонился над

понимаешь?.. Для этого нужно, чтобы ты была не одна. — Она произнесла эти слова без всякой зависти.

После школы наши пути надолго разошлись, я не имела о ней никаких вестей несколько лет.

И вот — ее письмо. Все тот же аккуратный детский почерк. Пару дней назад я ответила бы так: «Ты хорошо сказала тогда, очень! Красное стало ярче, зелень гуще, и солнце разлетается на тысячи осколков, отражаясь в земных зеркалах. Я ставлю цветы в кувшине на самое видное в комнате место. Когда я сижу у постели больных детишек и щупаю их пульс, я не свожу глаз с их лиц. И когда они улыбаются, у меня от радости сильнее бьется сердце. Но самое чудесное, что у нас все общее. Мы с Юргеном — все равно что две створки раковины, внутри которых бьется наша жизнь».

Примерно так я бы и написала. Вчера.

А что осталось от всего этого сегодня? Краски погасли, потухли, словно их затянуло паутиной. Смогла бы я найти слова, чтобы объяснить, что меня так тревожит?

Когда Юрген пришел в прошлое воскресенье с Маргот, я испугалась. Хотя... Он был таким же, как обычно, только чуть оживленнее. Как всегда, быстро взбежал по лестнице. Крепко сжал мои плечи.

— Будем веселиться целый вечер! — сказал он. — Познакомься, это Маргот.

Я знала, они учатся в одной группе. И только?.. Она подала мне руку. Мы вместе поужинали и вместе уложили нашу дочурку спать. Потом слушали наши любимые пластинки, Генделя и Баха. Я все следила исподтишка, как они друг на друга смотрят. И видела, что Юргену не по себе.

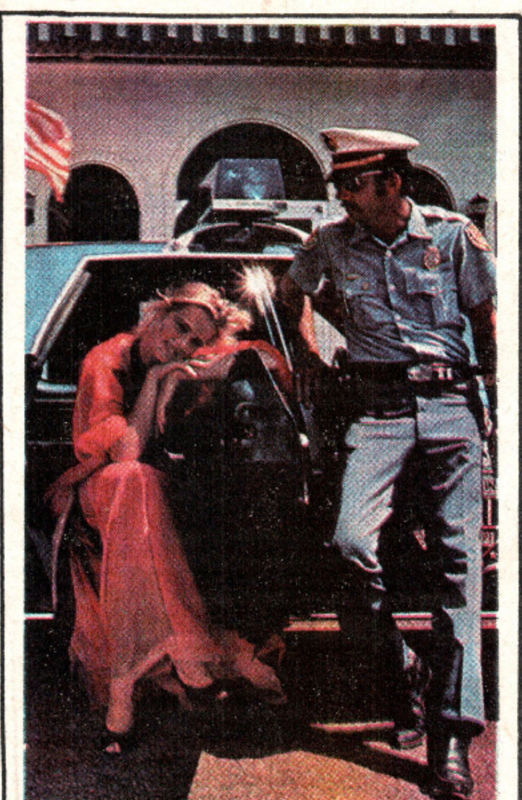
Мы проводили Маргот на электричку. По дороге домой никто из нас не произнес ни слова. Войдя в дом, в ярко освещенный подъезд, заметила, какой он бледный. Он словно сник. Я ощутила в груди острую, колющую боль. Как мне хотелось взять его руку, погладить...

Скоро шесть. Вот-вот он придет. И приведет Ютту из яслей. Мы искупаем ее, накормим. До этого момента все будет хорошо. Но о чем нам говорить потом, если мы будем молчать о главном?

Анна однажды сказала: «Быть человеком — это больше, чем быть во власти своих чувств». Да, но что я сейчас чувствую? И что знаю о себе и о нем?

Звонок в дверь. Он? Уже?

Нет, это Отти, соседка. Принесла ключи, чтобы я присмотрела за ее детьми, когда придут из школы. Конечно, шести еще нет. Я ошиблась. У меня еще час времени. Пойду на улицу, к людям.

ВСЕГДА КРУПНЫМ ПЛАНОМ

Марджо на фоне американского флага, Марджо на фоне церкви, дикой природы, подстриженного газона, полицейских, негритянских ребятишек... Не все ли равно где, если весь мир для нее — декорация. Марджо рекламирует наряды. Марджо делает моду. Марджо готова ввязаться в любое предприятие, лишь бы внимание зрителей было приковано к ней.

Великий Микеланджело, рассказывают, радовался, что у него нет сына, сознавая, как трудно пришлось бы тому в жизни. Ведь на наследнике славного имени лежит огромная ответственность. Марджо Хемингуэй по-своему тоже нелегко: ведь она делает деньги, торгуя славным именем деда Эрнеста.

АСУНСЬОН — НЬЮ-ЙОРК — АСУНСЬОН...

Справа фотография Джоэлито Филартига. Внизу рисунок его отца. Джоэлито замучила парагвайская охранка, «взвод смерти». В то время ему было всего 17 лет. Если бы палачи написали обвинительное заключение, то в нем могли бы быть только такие слова: «сын противника режима Стресснера». Других «преступлений» за Джоэлито не значилось... При всей своей чудовищности история обычная для Парагвая. Многие семьи в таких случаях даже не пытаются найти виновных и тихо хоронят своих близких. Но Филартига-старший не испугался «взвода смерти». Он отправил медицинское заключение о причинах смерти сына в Комиссию ООН по правам человека. Дело получило широкую огласку. В ходе расследования выяснилось, что одному из убийц Джоэлито удалось бежать в США явно не без помощи бывшего американского консула в Асунсьоне. Ниточки из центра Южной Америки потянулись на север... Парагвай давно известен как «уютная гавань» самых закоренелых преступников со всего мира. Ну а местные отбросы, как оказалось, без труда находят убежище у «северного соседа».

МАСКА, Я ТЕБЯ ЗНАЮ...

Французское телевидение выпускает новую серию приключений Фантомаса (режиссер Клод Шаброль, Фантомас — Хельмут Бергер), приключений, которые почти уже 70 лет пользуются неослабевающим успехом. В чем же секрет? Вы помните, как Фантомас менял маски и обманывал всех вокруг? А вот его настоящего лица никто никогда не видел... Похожим приемом, не в обиду им будет сказано, пользовались и авторы. Родился Фантомас в 1911 году борцом за справедливость, немного сентиментальным, романтичным разбойником. Публика была в восторге. А властям такой герой не понравился. Обеспокоенный Марсель Ален, оставшийся «отцом-одиночкой» (второй автор Пьер Сувестр к тому времени умер), надел на своего Фантомаса другую маску. Сколько их потом было... Говорят, даже сам Ален сбился со счета. Меняются времена, меняются маски — герой должен нравиться всем. На исходе седьмого десятка Фантомас «впал в детство»: натянул свою старую «робингудовскую» маску. Ничего не поделаешь, романтики опять в моде...

НИЖИНСКИЙ НА ЛЬДУ

Чемпион Великобритании, чемпион Европы, мира и Олимпийских игр. Все эти титулы в 1976 году достались Джону Карри. Стремительно пролетев по спортивному небосклону, Карри уходит в профессионалы, чтобы наконец осуществить мечту, которая владела им с детства. В 1977 году он создает свой балет на льду «Джон Карри'з айс дансинг» и школу фигурного катания. Карри учит и учится сам. Берет уроки классического балета и современных танцев, работает с хореографами самых разных направлений. Его идея проста: в танце нет второстепенных движений. И еще: не стоит делать на льду то, что можно сделать на любом другом покрытии. Многое роднит Карри со знаменитым русским танцовщиком Нижинским, балетмейстером-новатором. Джон поставил один балет Нижинского — «Послеполуденный отдых фавна» — и сейчас работает над вторым — «Видение розы». Ну а успех не заставил себя ждать. Недаром Карри называют самой горячей звездой льда.

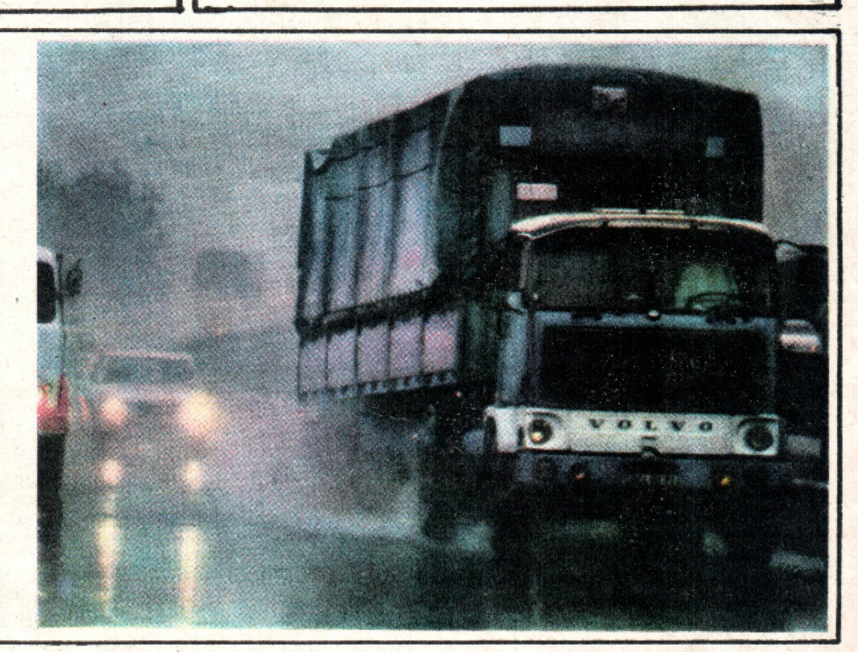

СВЕТЛЫЕ ВОДЫ — МУТНЫЕ ВОДЫ

...Существует и такое предложение — заключить Тибр в трубы и построить на его месте многоярусную автостраду. Раз уж нет вида, так хоть польза... И в самом деле: зачем Риму Тибр, если река в таком состоянии, что насмешкой звучит ее древнее название — «Альбула» («Светлые воды»). Даже самые несгибаемые оптимисты из общества «Друзья Тибра» уже не надеются ловить в реке рыбу. Их цель куда скромнее — вернуть Тибру судоходность. Проектов множество, но сколько же миллиардов лир потребуется, чтобы вновь сделать Тибр «Альбулой»? Молчат муниципальные власти: Риму спешить некуда, Рим — Вечный город... И кричат о беде Тибра его друзья...

ТАКАЯ У НИХ РАБОТА...

Водитель грузовика на трансконтинентальных трассах (а это довольно распространенная профессия — только в Италии их 600 тысяч) с недавних пор стал все чаще и чаще появляться на киноэкранах в образе лихого и жизнерадостного супермена «с большой дороги». А в жизни есть лишь усталый человек за рулем перегруженного грузовика и длинная-длинная дорога. В неделю шофер проезжает 4 тысячи километров. Времени всегда в обрез (хозяева устанавливают жесткие сроки). Поэтому ехать приходится быстро. В результате — полмиллиона катастроф в год. А ночью на пустынном шоссе часто подстерегают грабители. Постоянное недосыпание (машину ведут по 36 часов без смены: чем меньше сменщиков, тем выгоднее владельцу фирмы) приводит к нервному истощению. Вот и вся романтика. Сами шоферы называют себя «каторжниками дороги». Они бы с удовольствием поменяли такую работу вместе с ее киноореолом на другую, да только где ее найти...

«О МУЗЫКЕ — И НЕ ТОЛЬКО»

Дискотеки стали сейчас одной из популярных форм культурного досуга и эстетического воспитания молодежи. Это доказывают и отклики читателей на опубликованную в № 4 за 1979 год подборку «О музыке — и не только». С этого номера под такой рубрикой мы начинаем печатать небольшие информационные заметки, рассказывающие о том, какое место занимают в современной музыке те или иные группы и солисты. Заметки эти предназначены для ведущих дискотек — и не только для них: надеемся, они будут интересны всем любителям музыки.

«РАДУГА РИЧИ БЛЭКМОРА»

Ричи Блэкмор родился 14 апреля 1945 года, с одиннадцати лет начал играть на гитаре, в феврале 1968 года вместе с Джоном Лордом и Яном Пэйсом организовал квинтет «Дип Пёрпл». Спустя несколько лет «Пёрпл» стали одной из популярнейших групп в мире, а сам Блэкмор приобрел характеристику «мрачного и непостижимого короля хард-роковой гитары».

«Мрачность и непостижимость» происходили, надо полагать, от «средневековой» манеры одеваться (обратите внимание на шляпу — модель «Охотник за ведьмами», XV век) и неласковой манеры обращения с представителями прессы. Титул же «короля» Ричи Блэкмор получил вполне заслуженно: он очень техничен и стиль его игры весьма индивидуален. Сам Блэкмор объясняет это следующим образом: он почти не слушает других гитаристов, зато с детства любит скрипичную и виолончельную музыку.

Имея массу поклонников и подражателей, а также немало денег, Ричи Блэкмор все же не был доволен своей судьбой в составе «Дип Пёрпл». «Я начал уставать и от коллег, и от их идей: все как будто под копирку... Мы просто обленились. Например, если нам выделялось две недели отдыха среди гастролей, чтобы записать новый альбом, то из их двенадцать дней мы играли в футбол, один — отсыпались, а репетировали лишь в оставшиеся часы. Большинство вещей мы писали прямо в студии, полагаясь при этом на ремесленные навыки, а не на вдохновение или творчество».

Поклонники начали поговаривать о его уходе из «Пёрпл». Так оно и случилось. Дата — май 1975 года. «Я ушел из «Дип Пёрпл», потому что чувствовал себя как на колбасной фабрике... У меня не было ни идей, ни проектов, ни новой группы — просто хотелось удрать подальше».

Новая группа появилась спустя два месяца. Ричи просто-напросто взял целиком малоизвестный нью-йоркский ансамбль «Эльф» в составе: Ронни Джеймс Дио (вокал), Джимми Бэйн (бас-гитара), Микки Ли Сойл (клавишные), Гэри Дрисколл (ударные) — и записал с ним пластинку «Радуга Ричи Блэкмора».

Нельзя сказать, чтобы музыка «Радуги» сильно отличалась от «Дип Пёрпл», однако сам Блэкмор почувствовал себя совершенно по-иному. «Я снова начал получать наслаждение от игры. Мы все новые друг для друга и делаем все по-новому, с энтузиазмом, с радостью». «Радуга» отправляется на гастроли и... становится очередной рядовой популярной рок-группой. Ричи постепенно избавляется от «Эльфов» не самого высокого класса и берет на их место сначала органиста Тони Кэйри, затем знаменитого ударника, руководителя ансамбля «Молоток» Кози Пауэлла.

Осенью 1976 года они записывают диск «Радуга восходит». Наверное, это лучшая пластинка Ричи Блэкмора до сих пор. Не то чтобы она содержала какие-нибудь музыкальные откровения (единственное, возможно, исключение — «Старгейзер»; Блэкмор говорит, что первоначально написал ее как пьесу для виолончели). Главное достоинство диска — необыкновенная мощь и динамизм. Образно говоря, он сделан в нокаутирующем стиле, вполне достойном страшного костистого кулака, изображенного на обложке. «Мы записывали этот альбом около десяти месяцев, и у меня нет причин быть им недовольным», — сухо заметил Блэкмор по поводу успеха пластинки.

Но рутина и здесь взяла свое. После распада «Дип Пёрпл» большая часть их поклонников автоматически перешла к Блэкмору. От заявок на гастроли отбою не было, а раз менеджеры требуют... «Уходя из «Дип Пёрпл», я хотел, чтобы мне дышалось легче. Теперь «Радуга» в некоторых странах, например в Японии, даже более популярна, чем когда-то моя старая группа. Я не ждал и не хотел такой реакции. И сейчас я снова там, откуда бежал. В зоне высокого напряжения...»

«Ну и что же остается делать, мистер Блэкмор?» — спрашивали критики. «Когда я чувствую, что рок-н-ролл уже сидит у меня в печенках, а это бывает довольно часто, я прихожу домой, ставлю пластинки с музыкой Баха, средневековой музыкой и ухожу в нее... Я очень люблю классическую музыку. Бах — это 80 процентов всего, что я слушаю».

«Выходит, вы играете не ту музыку, которую любите? Участие в рок-группе — компромисс для вас?» — «Я хотел бы исполнять классическую музыку, но никогда не смогу делать это так, как мне хочется. Выступать в симфонических и камерных оркестрах, мне кажется, безумно скучно. Если бы была такая возможность, я путешествовал бы с бродячим балаганом и играл средневековую музыку под открытым небом. Ближе всего к этому идеалу все-таки стоит рок-группа. В рок-н-ролле есть этот дух праздника. Есть живое наслаждение. Но как вспомню кислые и равнодушные физиономии оркестрантов, когда мы записывали «Старгейзер»... Наверное, я никогда не буду счастлив в музыке».

Довольно грустно звучит такое признание в устах одного из ведущих современных музыкантов.

Взойдет ли радуга для Ричи Блэкмора еще раз? Переживет ли он снова чувство облегчения и обновления? Кто знает.

«НЕСУЩИЕ ДОЖДЬ» О СВОИХ ЗАДАЧАХ—КОНКРЕТНО

Актовый зал Латвийского государственного университета. Идет концерт участников III Международного фестиваля политической песни. На сцене пять ребят и девушка — ансамбль «Регенмахер», Берлин, ГДР. «Песня, которую мы сейчас исполним, называется «Возможности»... Часто молодые люди считают, что они не могут ничего добиться своими силами, не могут ничего изменить... Из этого рождается пассивное отношение к жизни, равнодушие. В действительности все мы обладаем огромными возможностями, и только от нас самих зависит, насколько полно мы их сможем реализовать, как много мы сможем сделать в этом мире...» «Наша следующая песня называется «Демократия». В ней поется о том, что построенный в нашей стране социализм открывает новые возможности для неуклонного развития социалистической демократии. И еще о том, что в стране с народной властью люди не должны проходить мимо случаев нарушения социалистической демократии».

«Регенмахер» — один из ведущих ансамблей очень популярного в ГДР песенного движения «Конкрет». Акцент в творчестве групп «Конкрет» сделан на внутренние проблемы страны. Остроту и злободневность песням «Регенмахер» придает их подчеркнуто персонализированный характер. «Разнообразные проблемы сегодняшнего дня, — говорят ребята из ансамбля, — отражаются на жизни каждого человека. На примерах конкретных историй, случившихся с конкретными людьми, мы пытаемся поднять важные вопросы. Например, такая громадная и общая проблема, как социалистическая демократия, вовсе не будет казаться абстрактной, если рассказать о ней на примере работницы, незаконно уволенной зажимщиками критики с фабрики, но не смирившейся с этим и восстановившей свои права».

В соответствии с этой концепцией вся программа «Регенмахер» построена как единый сюжетный песенный цикл, с постоянными действующими лицами. Главных героев двое: Касино, недавно демобилизовавшийся из армии, и Тереза, его возлюбленная. Оба они и работают и учатся. Проблемы, встающие по ходу повествования перед этой парой, — производственные, бытовые, моральные — актуальны для молодежи, и поэтому песни вызывают у слушателей огромный интерес.

«После каждого концерта мы устраиваем дискуссию. Обратная связь с аудиторией для нас очень важна. Если какие-то песни перестают задевать слушателей, мы можем исключить их из программы. И наоборот — на каждом таком обсуждении нам подсказывают новые темы».

Музыка группы очень разнообразна. Одни песни — чеканный полуречитатив, напоминающий марши Ганса Эйслера; другие приближаются по стилю к зонгам Брехта-Вайля. Есть и энергичные рок-н-роллы, и блюз, и сатирические куплеты. «Работая над мелодиями, — поясняют участники «Регенмахер», — мы отталкиваемся от текстов. Каждый из них имеет свой неповторимый характер, свою направленность. И мы подбираем музыку таким образом, чтобы она соответствовала духу и теме песни, подчеркивала, а не заглушала ее содержание. Многие молодые люди любят только инструментальную музыку или даже какое-то одно направление, скажем, рок или диско. Но мы не идем на поводу у их вкусов: наша задача — заставить их вникнуть в содержание песни».

Однако не думайте, что музыка находится «в загоне» у «Регенмахер». Их композиции не только разнообразны, весьма изобретательны, и звучат в высшей степени современно.

Имеет ли направление «Конкрет» интернациональный аспект? «Да, конечно! Ведь многие из тех проблем, о которых мы поем, стоят и перед советской молодежью, многие наши темы ее тоже волнуют. Мы могли в этом убедиться и по тому, как нам аплодировали в зале, когда мы зачитывали тексты песен, и по тому, какая оживленная дискуссия вспыхнула после нашего выступления в клубе Политехнического института».

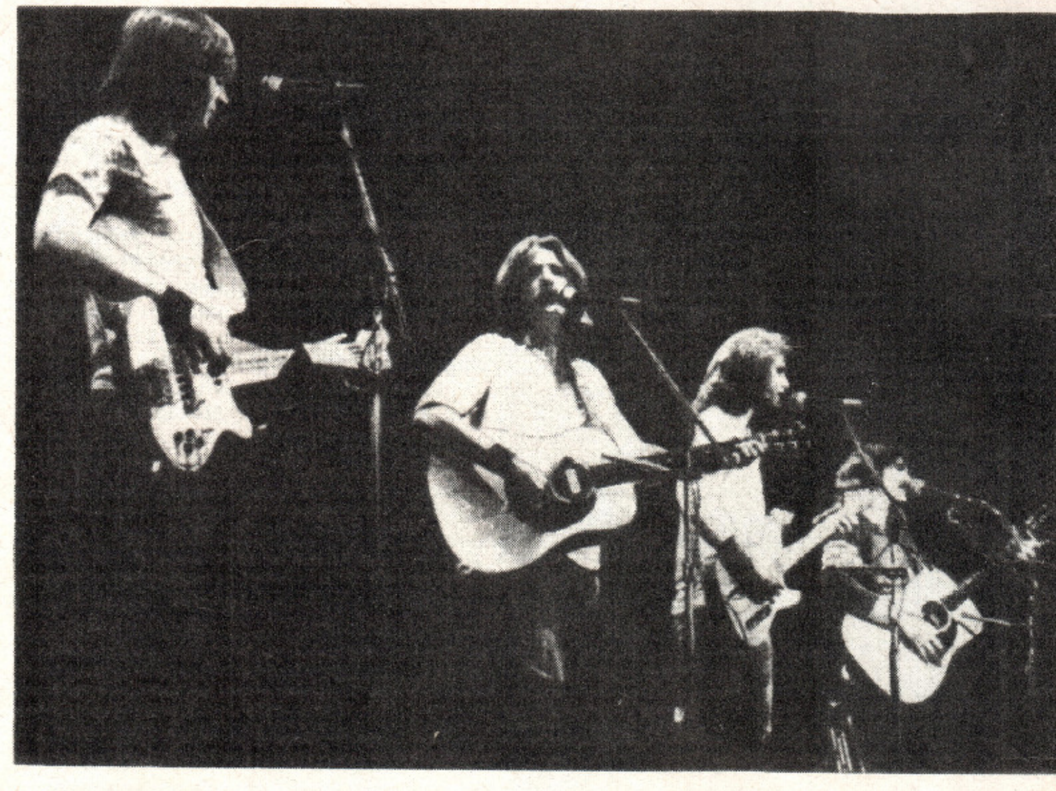
Что означает название группы («Регенмахер» в переводе — «Несущие дождь»)? «Это поэтический образ, и у всех слушателей он рождает разные ассоциации. Для одних дождь — это свежесть, плоды, радость перемены... Для других — угроза спокойствию, тучи, тревога...» Да, пожалуй, название — единственный абстрактный символ, созданный ансамблем.

Теперь несколько слов о «Регенмахер» — конкретно. Ансамбль был создан около трех лет назад. Средний возраст его участников — 24 года. В составе группы:

Андреас Бункенбург — гитара, флейта, вокал; Лутц Кершовски — гитара, мандолина, бас-гитара; Регина Магистер — вокал; Удо Магистер — гитара, бас-гитара, вокал; Райнер Преен — фортепьяно, гитара. Слова песен пишет Герд Гундерман. Музыку сочиняют Удо, Андреас, Лутц и Райнер.

«ОРЛЫ», ЧИСТО КАЛИФОРНИЙСКАЯ РАЗНОВИДНОСТЬ

Говорят, орлы могут подолгу парить в воздухе и покрывать изрядные расстояния, сделав всего несколько взмахов огромными крыльями. Американский поп-квинтет «Орлы» роднит с пернатыми тезками одно обстоятельство: без особых усилий и практически не изменив ни разу своего музыкального стиля, они проделали за пять лет путь от полной безвестности до едва ли не самого высокооплачиваемого ансамбля в США.

В Лос-Анджелесе, постоянной резиденции «Орлов», это название впервые услышали в августе 1971 года. Участников группы поначалу было четверо, и были они уже достаточно опытны для своих 24 лет. Бас-гитарист Рэнди Мейснер раньше играл в довольно известном кантри-рок-ансамбле «Поко», а затем сопровождал на гастролях певицу Линду Ронстадт. Именно там, в «группе Линды Ронстадт», он познакомился с остальными тремя будущими «орлами»: гитаристом и пианистом Гленном Фреем, ударником Доном Хэнли и гитаристом Берни Лидоном. Позже к ним присоединился гитарист Дон Фледер.

Все четверо хорошо пели. Что более важно, все четверо были по горло сыты унизительным положением «музыкантов-подмастерьев» и ненавидели всевозможные проявления «звездной болезни», которой страдали их бывшие патроны и которая так часто разрушает ансамбли. Поэтому решено было создать группу на новых принципах «дружбы и невмешательства»: каждый пишет свои песни, каждый поет, все друг другу помогают.

В 1972 году «Орлы» улетают в Англию и там записывают первый альбом. Новая группа сразу обнаружила множество достоинств. Целый букет музыкальных стилей: рок, кантри, блюграс, фолк, блюз, вальс, фокстрот... и все мастерски исполнено! Прелестные, отточенные мелодии («лучшие со времени золотой эры Маккартни», — писал «Нью мюзикл экспресс»). Интересны были и тексты: колоритные «сценки из жизни» с ироничными комментариями. Часто в песнях содержались такие меткие характеристики, что их быстро растащили в виде пословиц и идиом. Смущало лишь одно обстоятельство, и, видимо, именно ему «Орлы» обязаны тем, что не стали и не станут «Битлз № 2»... Вот как писал критик Ник Кент: «Чего-то непонятным образом не хватает... Остроумные, беспокойные, настроены они великолепно, но... слишком все гладко и чисто сконструировано. Они как автомобиль, мягко идущий на второй скорости, в то время как стоило бы поддать газку».

«Орлы» продолжают записываться, и ноты сомнения почти заглушаются хором восторгов. «Орлы» становятся коммерческой силой. Им лучше, чем кому-либо другому, удалось связать два конца, привлечь два крупных клана потребителей музыки в США: с одной стороны, стареющих хиппи и рокеров, бывших «детей Вудстока», с другой — молодящихся служащих и домохозяек.

Через некоторое время по каким-то своим причинам Берни Лидон покидает группу, и его место занимает Джо Уолт.

Последнее послание «Орлов» своим покупателям вышло в свет в декабре 1976 года. Это был «концептуальный» альбом под названием «Отель Калифорния». «Отель Калифорния» (аллегория Голливуда, Лос-Анджелеса, мифической Калифорнии вообще) — райское местечко, куда стекаются уставшие и помятые жизнью сильные мужчины и красивые женщины. Цинизм, скука и комфорт. Это убежище от жизни, где есть все, но нет радости. «Кто-то танцует, чтобы вспомнить, кто-то танцует, чтобы забыть...» Разочарованные обитатели отеля уже привыкли к этому иллюзорному калифорнийскому счастью, как к наркотику, сладкая депрессия засосала их: «Вы можете рассчитаться за номер, когда захотите, но никогда не сможете отсюда выйти». Все попытки затворников отеля «убить зверя» (одиночество, опустошенность) не заканчиваются ничем.

У критики этот альбом вызвал отнюдь не однозначную реакцию. Тема, за которую взялись «Орлы», очень болезненна и серьезна, а средства, которыми они ее решили? Не слишком ли поверхностны? Острую социально-нравственную проблему «лос-анджелизма» (есть уже такое выражение) «Орлы» адаптировали до уровня меланхолических, иногда слегка язвительных картинок «красивой» и порочной жизни с грустной, но не без романтического пафоса моралью в конце. Может быть, эта музыка «Орлов» настолько поп-ориентирована и «комфортабельна», что не допускает нелицеприятного содержания? Не надо забывать, что и они дети Калифорнии.

В заключение — характеристика творчества «Орлов» из «Рок-энциклопедии» Ника Логана: «Убаюкивающие звуки для взрослых, когда детей уже отправили спать; легкое слушание для богатеющих и жаждущих быть «тип-топ».

Материалы подготовлены А. ТРОИЦКИМ

И СНОВА «М. ЭФФЕКТ»

Онджей КОНРАД,
чехословацкий журналист

Мы сидим в холле перед телевизионной «Студией молодых», где через несколько минут начнется прямая передача концерта «М. эффект». Это, конечно, большая смелость: передавать концерт группы джаз-рока без предварительной записи: а вдруг усилитель откажет или еще что? Но наши телевизионщики верят, что никаких «вдруг» не будет: музыканты — не новички.

Но сами ребята волнуются, как двадцатилетние дебютанты. Всегда так перед концертом. Радим Гладик без конца терзает гитару и перебирает свои «коробочки» — целый ворох приспособлений, с помощью которых он колдует над звуком. Лешек Семелка, обычно немногословный, похожий на канадского лесоруба, пытается разрядить напряжение:

— Играли мы на днях. Приходит девочка лет четырнадцати, за автографом. Увидела Радима и говорит: «Мама и папа просили вас поблагодарить и передать привет: они познакомились на вашем концерте. Вы тогда с «Матадорами» играли».

Все смеются, кроме Радима. Он говорит серьезно: «Вот в такие минуты я так ясно-ясно вижу, какой долгий путь уже прошел, почти дедушка джаз-рока...» Это Радим-то, с его мальчишеской внешностью!

Но действительно, гитара Гладика для людей моего поколения, тех, кому сейчас около тридцати или за тридцать, была компасом в музыкальных пристрастиях. Я думаю, многие у нас согласятся — и музыканты и слушатели, — что наши вкусы и взгляды на рок-музыку складывались под влиянием его игры, его репертуара. Некоторые, конечно, больше всего ценили острый звук и быстрые пальцы Радима. А его способность своеобразнейшим образом интерпретировать формы ритм-энд-блюза привлекала к нему музыкантов. Короче говоря, Радим Гладик стал у нас первым гитаристом, которого признали и слушатели и музыканты.

Когда Гладик расстался с группой «Матадоры», лет двенадцать назад, он был настолько уже профессионально силен, что мог создать свой ансамбль, привлекая публику хотя бы только именем. Он и создал — «Спешиал блю эффект». У группы были поклонники, были противники, все шло несколько лет нормально, а потом начались нелады. Уходили одни музыканты, приходили другие: в звездах недостатка не было, а ансамбля не получалось. Сменили название — не помогло. Казалось, группа достигла пика и покатилась вниз. Как говорит Радим Гладик: «От нас уже ничего больше не ждали, мы, как пчелы, жужжали что-то себе на сцене, а публика от нас отмахивалась. Скептики говорили, что Гладик запутался в экспериментах со звуком и слушатели его не понимают. А получилось все к лучшему. Нам просто надо было остановиться, подумать, от чего-то отказаться, к чему-то прийти... Так что, я думаю, кризис пошел нам на пользу».

Лешек Семелка с ним согласен: в свое время он ушел из «М. эффекта», создал свою группу «Богемия». «Мне казалось, что у нас слишком «сольная» музыка, а если и коллективная, то чересчур инструментальная, а мне хотелось петь». Теперь Семелка вернулся в «М. эффект», и в репертуар вошли вокальные номера. Не потому что он вернулся, а просто «М. эффект», сохранив свое лицо, индивидуальность, приобрел и нечто новое.

Говорит Гладик: «Не имеет смысла «играть ни о чем». Если тебе есть что сказать, тебя услышат. А если нечего — ничего не поможет: ни виртуозность, ни световые эффекты. Как ни раскрашивай пустоту, она пустотой и останется. Музыкант хочет поразить публику, удивить ее чем-то необычным, а ей минут через десять так скучно станет, что и самим играть тошно».

Сейчас десяти-пятнадцатиминутные композиции «М. эффекта» привлекают виртуозной отточенностью, каждая нота на своем месте, нет солистов, нет звезд — вы слушаете ансамбль. И звучит этот ансамбль так, будто один многоголосый инструмент.

Олдржих Веселый и Лешек Семелка (они представляют в квартете вокальную группу) становятся постепенно равноценными партнерами Гладика. И если раньше доминировала гитара, то теперь это всегда квартет, и невозможно сказать, кто среди четырех главный. Окраску звуку, конечно, дает гитара Гладика, но синтезатор и электроорган Семелки, и смычковые Веселого, и совершенные ударные Чеха — все вместе создают то великолепное единство, на фоне которого звучат экспрессивные голоса певцов. «Когда человек относится к своему делу серьезно, ему иногда может что-то и не удастся, но в итоге он всегда добьется своего», — говорит Гладик.

А концерт по телевидению, как и надеялись телевизионщики, прошел нормально.

Перевела с чешского
Д. МИХАЙЛОВА

27 августа 1919 года В. И. Ленин подписал Декрет «О передаче фотографической и кинематографической промышленности и торговли в ведение Народного комиссариата просвещения». Эта дата — начало теперь уже 60-летней истории советского кино.

О ней рассказывает выставка, открытая на ВДНХ СССР, ей посвящены многочисленные плакаты, один из которых воспроизведен на этой странице.

История советского многонационального киноискусства — это миллионы и миллионы зрителей в нашей стране и за рубежом, это торжество социалистического реализма, это награды на международных кинофестивалях Москвы, Карловых Вар, Канн, Сан-Себастьяна, Венеции...

206 международных наград завоевали ленты, выпущенные только на студии «Мосфильм» — флагмане советской кинематографии. В числе этих фильмов — «Броненосец «Потемкин» и «Мы из Кронштадта», «Цирк» и «Летят журавли», «Баллада о солдате» и «Иваново детство», «Война и мир» и «Калина красная»...

Фильмы, фильмы, фильмы — запечатленное на пленку художественное осмысление сегодняшних и давно минувших дней, величайшее средство массовой агитации за наш, за новый мир.

Индекс 70781
Цена 25 коп.